

Мама, я эрив...

ISSN 0131—6656

Фото Владимира ЧЕЙШВИЛИ

СМЕНА ВВ

7

Спасет ли нас ведомственная экология?

Юлия Друнина: «И все ж мы повинны...»

Накануне фестиваля. Фоторепортаж

Рой Медведев. «Брежнев»

«Машина времени»: двадцать лет спустя

ЕЩЕ РАЗ ПРО

ЛОЖЬ

ОФИЦИАЛЬНЫЕ ОТВЕТЫ:

Публикация статьи "Ложь на душу населения" ("Смена" № 16, 1988 г.) признана правильной, в целом объективно отражающей экологическую обстановку в г. Запорожье, где предприятиями только Заводского района выбрасывается до 225 тысяч тонн в год из 260 тысяч тонн всех вредных выбросов. Все это в конечном итоге продолжает сказываться на здоровье жителей города. По данным горСЭС, в воздушном бассейне города отмечается превышение допустимых концентраций в 2—5 раз таких веществ, как бенз-а-пирен, фенол, фтор и др. При проведении реконструкции меткомбината «Запорожсталь» в составе работ первой очереди предусматривается переселить жителей только из частных домов. В ТЭО заложено возмещение только балансовой стоимости строений без осуществления нового строительства взамен сносимого. Работы по реконструкции меткомбината и отселению из санзоны требуют сооружения жилья, школ, детских садов и других объектов общей площадью 560 тысяч квадратных метров. В связи с тем, что до настоящего времени окончательно не определена санитарная зона, объемы капложений на социальные нужды остаются неопределенными, но то, что их сегодня недостаточно, нет сомнения.

В настоящее время финансирование кислородно-конвертерного цеха закрыто по санкциям городской СЭС до решения вопросов по организации санитарно-защитной зоны и устранения замечаний Минздрава УССР по ТЭО реконструкции меткомбината «Запорожсталь». Пятая сессия городского Совета народных депутатов в принятом обращении от 23 июня 1988 года поставила вопрос перед министром черной металлургии СССР т. Колпаковым С. В.: «...реконструкцию комбината «Запо-

рожсталь» приостановить до полного решения вопросов по природоохранным объектам и застройке социальной инфраструктуры из санзоны, для чего разработать и согласовать с горисполкомом программу по реализации данного вопроса силами отраслевых организаций и иносфирм».

Для выноса объектов соцкультбыта из санитарно-защитной зоны горисполкомом предложено четыре площадки под их застройку.

Необходимо выполнить строительномонтажные работы на сумму 1,43 миллиарда рублей по промышленному строительству. При существующих мощностях строительных организаций на это потребуется 15 лет. Но реконструкция «Запорожстали» нужна городу, поэтому руководство города, области вошло с предложением в Совет Министров СССР (7308/2 от 1.08.88 г.) с конкретными предложениями по привлечению для этих целей дополнительных строительных мощностей с рассмотре-

включены также и неотложные мероприятия, которые должны быть осуществлены в текущей пятилетке.

Наиболее важной является программа «Запорожстали» и первоочередным ее вопросом — реконструкция сталеплавильного производства. Предусматривается вывод из эксплуатации морально и физически устаревшего мартеновского производства и замена его более прогрессивным конвертерным с непрерывной разливкой стали. Такая реконструкция уменьшит выбросы в атмосферу от сталеплавильного производства на треть. Одновременно со строительством кислородно-конвертерного цеха предусматривается создание санитарно-защитной зоны, строительство объектов социально-культурного назначения, а также выделение средств для долевого участия в расширении городского водопровода и канализации. Всего на природоохранные мероприятия и социально-бытовые нужды из 682 миллионов рублей стоимости

ферросплавного и огнеупорного заводов к 1995 году, а по «Запорожстали» — к 2000 году.

Что же касается предложенного т. Нагорным проекта «комбината экологии», то министерство отмечает, что проекта как такового никогда не существовало и не существует, а есть только идея, реализация которой результатов не даст. Консультации, проведенные по этому вопросу с Академией наук СССР, подтвердили наше мнение.

Л. РАДЮКЕВИЧ,
заместитель министра
черной металлургии СССР

...Санитарно-эпидемиологической службой осуществляется систематический контроль за выполнением мероприятий по охране окружающей среды... Только в течение XI пятилетки на строительство и реконструкцию воздухоохраных объектов в г. Запорожье было использовано около 12 миллионов рублей капитальных вложений, что обеспечило снижение объема выбросов в атмосферу более чем на 24 тысячи тонн и позволило снизить содержание пыли в воздухе в 2—2,5 раза, а также стабилизировать уровни ряда газообразных веществ; построено более 50 крупных воздухоохраных объектов, в связи с чем содержание взвешенных веществ в реке Днепр снизилось почти в 3 раза...

...В целом, несмотря на большой рост промышленного производства в городе, с послевоенного периода уровни загрязнения атмосферного воздуха и водоемов не возросли, а наоборот, снизились в десятки раз, хотя, как справедливо указывается в статье, еще остаются высокими. Подобное положение отмечается в УССР также в ряде других городов со сложившейся с довоенного и довоенного периода крупной промышленностью (гг. Днепродзержинск, Кривой Рог и др.).

Отсутствие в статье «Ложь на душу населения» вышеуказанных данных, по нашему мнению, лишает читателя полного представления о состоянии реше-

НА ДУШУ НАСЕЛЕ

нием вопроса разворота реконструкции в Совете Министров СССР с участием заинтересованных организаций и принятием соответствующего решения. За 2 года пятилетки введено в эксплуатацию 24 крупные газоочистки, затраты на их строительство составили 8 миллионов рублей, за счет чего снижены выбросы вредных веществ на 22,5 тысячи тонн в год.

Принятую в 1984 году в Запорожье комплексную целевую программу «Биосфера» решено пересмотреть с учетом обострившихся требований к охране окружающей среды с доведением выбросов до предельно допустимых к 1995 году по всем промышленным предприятиям города. Этой программой предусмотрено уменьшить выбросы в атмосферу на 97,6 тысячи тонн в год, в водоемы — на 96,7 миллиона кубометров в год. Для выполнения этой программы необходимо выделить и освоить более 600 миллионов рублей, в том числе строительномонтажных работ на сумму 430 миллионов рублей.

Для координации деятельности инспектирующих служб по охране окружающей среды... принято решение о введении должности заместителя председателя исполкома городского Совета по экологии... По предложению общественности города исполком горсовета открыл в горуправлении жилищно-коммунального хозяйства специальный счет 70025 для добровольного внесения средств на финансирование природоохранных мероприятий...

В. ВАСИЛЬЕВ,
председатель исполкома
Запорожского городского
Совета народных депутатов

...Для нормализации экологической обстановки в г. Запорожье все предприятия черной металлургии в 1988 году разработали и согласовали с исполкомами местных Советов народных депутатов долгосрочные программы по охране окружающей среды. В программы

первой очереди кислородно-конвертерного цеха предусматривается 182 миллиона рублей.

Природоохранной программой «Запорожстали» предусмотрено также оснащение дополнительными газоочистками доменных печей и агломерационных лент, модернизация действующих очистных установок. Такие работы уже ведутся... Не менее серьезные мероприятия предусматривают программы по охране окружающей среды и других предприятий черной металлургии...

Осуществление намеченных экологических программами мероприятий позволит прекратить сброс загрязненных вод в реку Днепр от всех предприятий к 1995 году, снизить выбросы в атмосферу до установленных нормативов от Днепрспецстали, коксохимического,

ния проблемы охраны окружающей среды в г. Запорожье и не способствует активизации участия населения в осуществлении оздоровительных мероприятий.

Как свидетельствует приведенный в статье текст письма, указания заместителя главного государственного санитарного врача УССР т. Мухарского М. С., порядок представления данных об изменениях в состоянии здоровья населения, связанных с загрязнением окружающей среды, установлен заместителем главного государственного санитарного врача СССР. Указанные данные своевременно направлялись в директивные органы.

А. КАСЬЯНЕНКО,
главный государственный
санитарный врач УССР

...Высокий уровень загрязнения воздушного бассейна связан не только с повышенными выбросами вредных веществ предприятиями черной металлургии, но и цветной металлургии: в г. Запорожье расположены титано-магнийный комбинат, алюминиевый и электродный заводы... На Запорожском титано-магнийном комбинате выбросы вредных веществ в атмосферу будут снижены до предельно допустимых в 1992—1993 годах. Сброс загрязненных сточных вод будет постоянно сокращаться, но полностью прекратится только в XIV пятилетке. На Днепровском электродном заводе выполнение запланированных мероприятий позволит снизить выбросы загрязняющих веществ в атмосферу к 1995 году: по бенз-а-пирену в 100 раз, сернистому ангидриду в 10 раз и достичь предельно допустимых выбросов. Сброс загрязненных сточных вод прекращен заводом еще в 1980 году.

На Днепровском алюминиевом заводе также осуществляются мероприятия, однако резкое сокращение выбросов вредных веществ возможно только после его реконструкции с переводом электролизного производства на электролизеры с обожженными анодами. К этой работе мы приступили хозяйственным способом, но сложный характер строительного-монтажных работ и их большой объем (более 100 миллионов рублей) требует привлечения сил запорожских строительных трестов Минстроя УССР. К сожалению, областной комитет партии и облисполком пока отказались принять в подряд трестов выполнение этих работ, хотя всем очевидно, что никто и ниоткуда не придет в Запорожье для их осуществления.

Что касается «комбината экологии», предлагаемого А. Нагорным, то такого проекта не существует, есть только идея. Недавнее обсуждение этой идеи, организованное Запорожским горкомом партии и горисполкомом, по словам секретаря горкома т. Киянса В. В., выявило отрицательное к ней отношение ввиду технической и научной несостоятельности. Кстати, примерная стоимость осуществления проекта, по прикидкам специалистов института «ЦНИИпромзданий» Госстроя СССР, оценивается не менее 3 миллиардов рублей, а не 300—350 миллионов рублей, как указано в статье.

Б. КОЛЕСНИКОВ,
заместитель министра цветной
металлургии СССР

НИЯ

Аркадий ПАЛЬМ

Перечитал ответы главного санитарного врача республики, заместителя министров черной и цветной металлургии СССР, председателя Запорожского горисполкома, и такая меня взяла тоска!.. Получается, я про Фому, а они про Ерему. В статье «Ложь на душу населения» («Смена» № 16, 1988 г.) речь шла о глубинных проблемах взаимодействия человека с окружающей средой, о целостном взгляде на экологию. Ведь «эко» — дом, наша с вами среда обитания. Мне представлялось, что заинтересованные лица проявят тот уровень мышления, который позволит им рассматривать человека как меру всех

ценностей. В конце концов здоровье людей — основной капитал нации. А вот развитие черной металлургии до сих пор идет в русле сталинской трактовки человека как придатка доменной печи. И благоденственные лозунги, пытающиеся это опровергнуть, — ложь.

Четверть века назад американский ученый Барри Коммонер сформулировал четыре закона экологии. Первый: все взаимосвязано. Второй: все должно куда-нибудь деваться. Третий: все что-нибудь да стоит. Четвертый: природа знает лучше нас. Идея Александра Нагорного о создании «комбината экологии» опирается на эти законы.

В ответе заместителя министра черной металлургии Л. Радюкевича содержится утверждение: «Проекта как такового никогда не существовало и не существует, а есть только идея, реализация которой результатов не даст. Консультации, проведенные по этому вопросу с Академией наук СССР, подтвердили наше мнение». Пусть будет так — проконсультировались. Но мне, в частности, хотелось бы знать — с кем именно? Давайте в открытую, а то анонимные консультации очень напоминают межведомственные тайные вечера. Такое богатое ведомство, как Минчермет, имеет гигантский институт консультантов по всем вопросам, единственная цель которых — обслуживать интересы своих работодателей. Однако мне академическая инстанция видится не содержанкой Минчермета, а служительницей истины. Поэтому мы и обращались к президенту Академии.

На мгновение я представил вполне реальную ситуацию — замминистра Л. Радюкевич выдвинут кандидатом в народные депутаты СССР. И вот он выступает, скажем, перед жителями Запорожья со своей программой. Уверен — он не станет отказываться от своего взгляда на реконструкцию «Запорожстали». Что же конкретно обещает Л. Радюкевич? А вот что: сброс загрязненных вод в Днепр прекратится к 1995 г., снизятся выбросы в атмосферу до установленных нормативов (?) от «Днепрспецстали», коксохимического, ферросплавного и огнеупорного заводов к 1995 г., а по «Запорожстали» — к 2000 году. Что ж, спасибо. Я за такую программу голосовать не стану. Не утешает меня и широкий жест Министерства черной металлургии — «средства для долевого участия в расширении городского водопровода и канализации». Не греет и отвоєванная за это время добавка на соцкультбыт — уже не 68, а 182 миллиона рублей.

Программа замминистра цветной металлургии СССР Б. Колесникова точно такая же, как и у его коллеги из МЧМ: «Сброс загрязненных сточных вод в Днепр прекратится только в XIV пятилетке» (по Радюкевичу — 1995 г.). «Выбросы вредных веществ в атмосферу будут снижены до предельно допустимых норм (?) в 1992—1993 г. ...Выбросы загрязняющих веществ... по бенз-а-пирену сократятся в 100 раз (?), сернистому ангидриду — в 10 раз и достигнут предельно допустимых (1995 г.)...»

Общий нравственный смысл этих ответов — надо терпеть. Причем неопределенно долго, поскольку точкой отсчета, от которой станут исчисляться заботы о моем здоровье, замминистра дружно избрали ПДК — предельно допустимые концентрации всякого рода отравы в воде и воздухе. Само по себе это чудовищное надувательство. Вот мнение академика АМН СССР В. Казначеева: «Принятая сегодня концепция так называемых предельно допустимых доз или концентраций (ПДК) есть концепция тактическая, себя исчерпавшая. Она нужна лишь как инструмент управления в самых грубых, приближенных масштабах. Даже при выполнении существующих требований нормативности ПДК вредное влияние среды (имеется в виду среда, «обогащенная» промышленными и бытовыми выбросами и стоками) не исчезает, оно становится более глубоким и коварным. Ведь в свете концепции ПДК невозможно ответить на вопросы: как отразится наложение,

сумма многочисленных факторов этой среды, каждый из которых в отдельности не представлял опасности, на состояние здоровья человека сейчас и в будущем?.. Уже сегодня нужно вводить ответственность не столько за получение наивысшего промышленно-хозяйственного эффекта, сколько за то, каковы будут последствия этого эффекта для природы и человека».

Не знаю полного регламента обязанностей заместителей министров. Однако смею полагать, что когда обращаешься к министру лично (а мы обращались даже не к министру, а к зампреду Совмина СССР Г. Ведерникову; он, видимо, поручил министрам), элементарная логика велит не перекладывать ответы на замов...

Между тем в «низзах» уже есть примеры достойного поведения в экологически экстремальных ситуациях. Я имею в виду не только санитарного врача Иванова, наложившего арест на счета строителей, о чем говорилось в очерке «Ложь на душу населения». Не только.

Живут в селе Екатериновка на Днепрпетровщине две старушки. Однажды они проснулись знаменитыми. Было так. (Но сначала чуть отвлечемся, чтобы пояснить психологию современного крестьянина. Противоречия в ней наметились давно. Согнанных в колхозы людей велено было считать хозяевами земли. Ложь эта жива и по сей день. Последствия ее общеизвестны. Бравая песенка о том, что «в колхозах хлеба полные амбары», поначалу обернулась голодом, а позже вечной нехваткой продуктов. Крестьянское подворье, те самые «сотки», обрезаемые порой «по порог», не дали окончательно пропасть хозяину. Семейный подряд, аренда — все это возвращение к «сотке»-кормилице. Крохотный надел земли, помимо всего прочего, стержень нравственности.)

Жители Екатериновки слыхом не слыхивали о реконструкции «Запорожстали». У них самих случилась беда. Птицефабрика «Орельская» решила строить подле села очистные сооружения для своей базы отдыха. О том, естественно, никого из жителей Екатериновки не спросили. Местное начальство привыкло все решать в узком застольном кругу. И вдруг Любовь Григорьевна Браженко видит из окна хаты бульдозер. Развернувшись и подняв скулу ножа, он идет на огороды. Браженко выбежала во двор, кричит:

— Стой, ирод! Стой, кому говорят! Ирод — молоденький бульдозерист — и ухом не ведет. Любовь Григорьевна бежала спереди машину и... бросилась под нож.

Внуки у нее подросли. Живут в Днепрпетровске, таком же зловонном, как Запорожье, при той же загаженной реке Днепр. Известное дело, часто болеют. Одно спасение — летом к бабушке. У нее и вода в колодце жемчужная, и ягоды клубники, что цветы. Чистый воздух — от леса, посаженного лесником Афанасием Бутенко. Везде по Украине сводили на пеньки деревья. Бутенко же своим трудом стремился возместить разбой современников. Многие сотни и тысячи деревьев посадил мой друг на горе Калитва. Он обладал тем мышлением, на которое рассчитывает ученый Нагорный со своей идеей экологического комбината... Однако поспешим к женщине, распростертой на земле.

— Ты что, с ума сошла?! — орет мальчишка-бульдозерист.

Когда я перечитываю официальные ответы на статью, словно бы слышу крик ведомственного солдата, вижу налитые кровью глаза, в которых ни добра, ни совести нет, пусто, как в кармане нищего. Бульдозерист трясет бумажкой-нарядом, мол, сам директор птицефабрики велел сносить огороды.

Когда нет закона, его место занимают инструкции. Нравственное зерно конфликта на меже возле Екатериновки заключается в том, что схватились хозяин земли Любовь Григорьевна и наемный рабочий, которому наплевать на природу. Прикажут — станет все рушиться, не щадя и отчего дома. Господи,

когда же к нам придет понимание, что так жить нельзя: работать для того, чтобы лечиться, и лечиться для того, чтобы работать!

Л. Радюкевич не стесняется: «Улучшение экологической обстановки требует больших капитальных затрат». А мое здоровье, каких затрат оно требует? Что дороже — моя жизнь или кусок железа? Я снимаю берет перед «Диким Западом» хотя бы за то, что там очистили Великие Американские озера. А для того, например, чтобы очистить одно озеро, потребовалось одиннадцать миллиардов долларов! Темза, еще недавно бывшая клоакой, стала экологически чистой рекой, где водятся лососи. Мне представляется единственно правильным принцип: загрязнил биосферу — плати столько, сколько нужно для того, чтобы убрать грязь. Когда у капиталистов затраты на очистные сооружения дошли до половины от затрат на производство, мгновенно появилась безотходная технология. Давайте так, товарищ заместитель министра, стройте «Запорожсталь», но не по-браконьерски, платите за каждую молекулу бенз-а-пирена, витающего над кроваткой моего ребенка. Пусть ваша реконструкция станет образцом экологического мышления. Как в Японии, где на металлургических заводах работают в белых халатах. Не хотите? Тогда мы вас переизберем, на то и становятся у власти народные депутаты.

Поразительное дело — главы государства мира объединяют свои усилия для того, чтобы сохранить озонную оболочку планеты, а руководство Минчермета, как барышник, торгует с горожанами Запорожья за каждый метр канализационного коллектора! Прислушайтесь к мнению члена-корреспондента А. Яблокова: «...сейчас немедленно надо потратить огромные деньги — 5, а то и 10 процентов нашего национального дохода, чтобы просто выжить. Это должны понять руководители любого ранга. Если руководитель не понимает этого или не хочет понимать, нужна смена экологически неграмотного и экологически авантюрного руководства».

В статье «Ложь на душу населения» речь шла и о лицемерии конкретных работников Минздрава, чья исполнительская деятельность набрасывает покров военной тайны на связь между деятельностью промышленных предприятий и моим, в частности, здоровьем. Таким образом, меня лишили права знать правду и возможности прогнозировать свое поведение даже в таком пустяке, как выбор времени — когда обращаться к врачу. Зато в случае болезни время на лечение точно определил ВЦСПС: больничный лист выдается на три дня. На большее врач не имеет права. Меня всегда поражаало: каким образом председатель ВЦСПС тов. Шалаев успевае ставить диагноз десяткам миллионов больных.

В сотне городов страны ПДК превышает нормы в десять и более раз. Но все это покрыто тайной. Таинственность плодит невежество. Невежество — узда крепкая. Менше знаешь — лучше спишь. Студенческий юмор прекрасен, но он беспомощен как мера управления. Смею утверждать, что те, кто скрывает информацию о состоянии биосферы, способствуют распространению невежества. Иначе говоря, оглуляют людей сознательно. Именно это, на мой взгляд, побоялся признать в своем ответе в редакцию главного санитарного врача УССР А. Касьяненко. Мне ненавистна ведомственная ложь о предельно допустимых концентрациях — ПДК. Нет таких норм! Есть бессовестная игра со здоровьем миллионов людей. На фоне отсутствия счетчиков Гейгера и шприцов одноразового пользования. Но есть и иная грань в таком подходе — санкционирование традиционных технологий. Верно замечено: ворон ворону глаз не выклюет. Так и ведомства готовы жить друг с другом полюбовно, лишь бы выжить.

МЫ-Ж

ИВЫ...

Георгий ТАНУТРОВ
 Фото Владимира ЧЕЙШВИЛИ

-С топ, Андрюша! — крикнул сидящий рядом с водителем прапорщик Игнатенко. — Вон за тем дувалом чалму видел? Той чалмы Андрей не видел, но тут же из-за забора вынырнули две другие. За ними выглянули и два ствола.

— Линям! — Игнатенко выхватил автомат, но разбивать стекло не пришлось. Это сделали душманские пули.

Андрей налег на руль, пытаясь развернуть «уазик», но было уже поздно.

— Сзади гранатомет! — крикнул прапорщик и выкатился из машины. Андрей — за ним. Лежа в пыли, они отстреливались еще минут десять. Но положение было безнадежным: их окружили. Первым ранили прапорщика, потом его, старшего сержанта Андрей Карпа. Потом у них кончились патроны. Высокий душман в белой куртке, уже не прячась, навел на них свой гранатомет.

Всё. Сейчас нажмет на спусковой крючок — и их души взметнутся в ясное небо Найбабада...

...«Слава воинам-интернационастам!» — начертано на кумачовом транспаранте, трещащем на ветру в руках двух крепких парней. Пестреют цветы, флажки, яркие узбекские наряды. Светит ласковое солнце. С холма веет шашлычными ароматами. Из громкоговорителя грохочет песенка про гиподинамию...

Если посмотреть на все это издалека — скажем, с моста «Дружба», откуда с минуты на минуту должна появиться колонна, — то может показаться, что лица собравшихся здесь людей все как одно сияют от радости... Подойдем же поближе.

— Нуретдинов Бори. Встречаю сына, Бакадыра. Он — разведчик... Что? Да нет, зачем она нам, война эта? Зачем молодым умирать? Если и надо умирать, то за свою родину, я так думаю.

— Меня зовут Екатерина Степановна. Кого жду? Нет, не сына. Наши ребят. Сын будет в самом конце вывода. Он ранен...

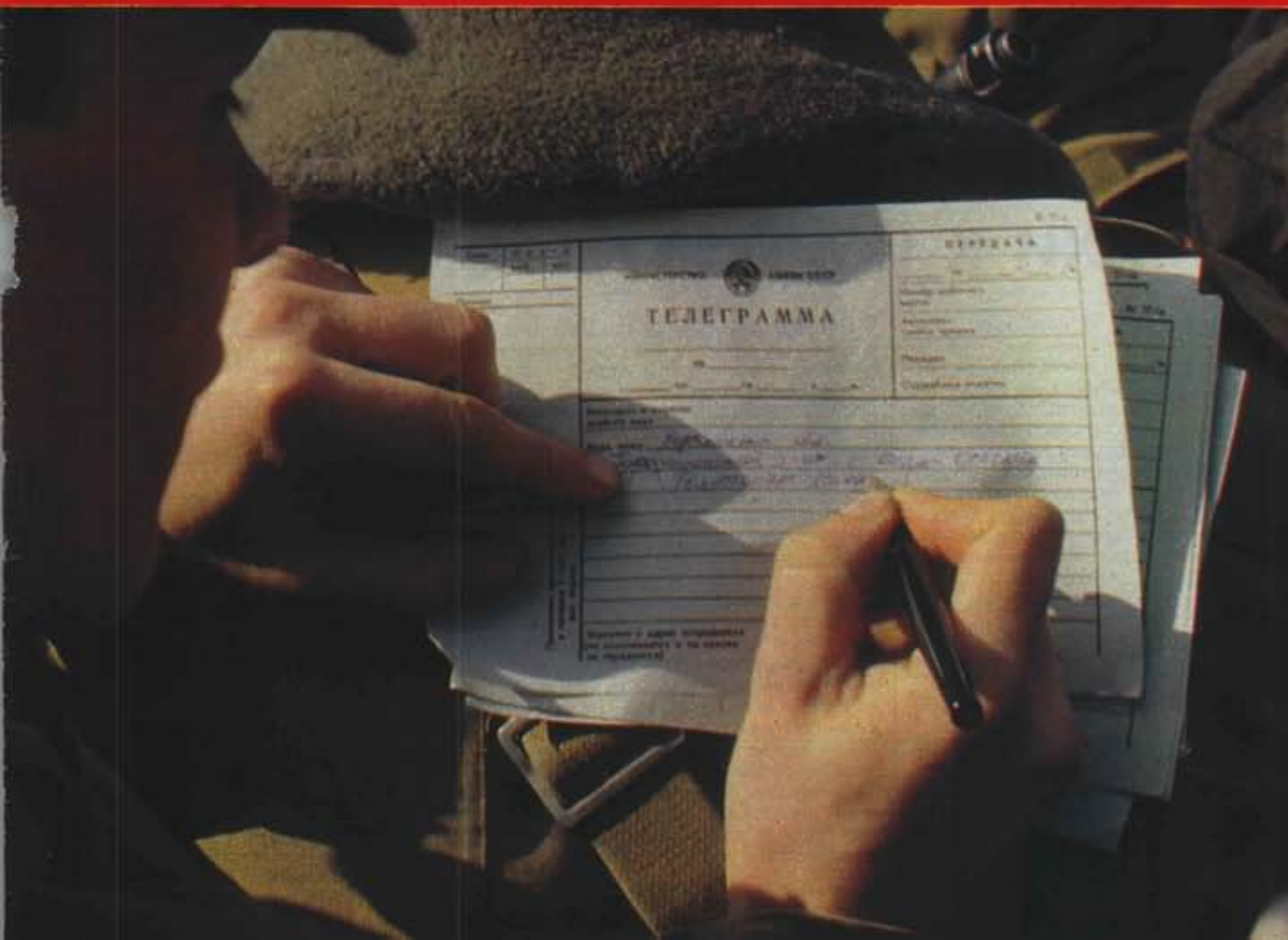
— Наташа. Лена. Римма... Нет, не женихов. Так, ребят... Да, может быть, будущих женихов... Конечно, ведь они выполняли интернациональный долг... Какой? Защищали афганский народ от душманов. Душманы? Нет, это не народ. Ну, не знаю, что-то вроде бандитов...

Возвращение.

Три раза подрывался на минах сапер Гаврилов.

*В термезском госпитале.
 «Не в сорок первом под Калугой,
 где холм высок...»*

*...И первым делом — на почту,
 дать телеграмму!*

Рой МЕДВЕДЕВ

В. И. Ленин говорил, что настоящие политические деятели не умирают для политики, когда наступает их физическая смерть. Политика, впрочем, мало чем отличается в этом отношении от любой области человеческой деятельности. Есть много людей, которые остаются нашими современниками, хотя они умерли десятки и сотни лет тому назад. Эти люди продолжают свою жизнь не только в учебниках истории, но и в современной политике и культуре, оказывая и сегодня влияние на взгляды, чувства и поведение отдельных групп, партий, наций, а иногда и всего человечества, хотя это влияние и не всегда бывает благотворным. Но есть еще больше политиков или деятелей культуры, влияние которых не переходит за границы их земной жизни. Они могут сойти с политической сцены и потерять значение для своей страны или партии даже при жизни. Это и есть то, что принято называть политической смертью. Она, как считал Тито, может оказаться для политика более страшной, чем физическая смерть. Именно эту участь уготовила судьба для Л. И. Брежнева. В силу стечения многих обстоятельств он занимал почти 20 лет очень важный политический пост и играл немалую роль в международной жизни и в политической жизни страны. Он заслужил несколько строк или даже несколько страниц в учебниках истории, но был личностью столь посредственной и политиком столь заурядным, что ему было бы трудно рассчитывать на слишком долгую политическую жизнь. И действительно, Брежнев начинает быстро сходить с политической сцены не только в прямом, но и в переносном смысле.

КОНЕЦ ЗЕМНОЙ ЖИЗНИ БРЕЖНЕВА

Еще в 50-летнем и даже 60-летнем возрасте Брежнев жил, не слишком заботясь о состоянии своего здоровья. Он не отказывался от всех удовольствий, которые может дать жизнь и которые далеко не всегда способствуют долголетию.

Первые серьезные проблемы со здоровьем появились у Брежнева, видимо, в 1969—1970 гг. Рядом с ним стали постоянно дежурить врачи, и в местах, где он жил, были оборудованы медицинские кабинеты. В начале 1976 г. с Брежневым случилось то, что принято называть клинической смертью. Однако его удалось вернуть к жизни, хотя в течение двух месяцев он не мог работать, ибо его мышление и речь были нарушены. С тех пор рядом с Брежневым постоянно находилась группа врачей-реаниматоров, вооруженных необходимым оборудованием. Хотя состояние здоровья наших лидеров относится к числу тщательно охраняемых государственных тайн, прогрессирующая немощь Брежнева была очевидна для всех, кто мог видеть его на экранах своих телевизоров. Американский журналист Симон Хэд писал: «Каждый раз, когда эта тучная фигура отваживается выйти за кремлевские стены, внешний мир внимательно ищет симптомы разрушающегося здоровья. Со смертью М. Сулова, другого столпа советского режима, это жуткое пристальное внимание может только усиливаться. Во время ноябрьских (1981 г.) встреч с Гельмутом Шмидтом, когда Брежнев едва не падал при ходьбе, он временами выглядел так, как будто не сможет протянуть и дня».

В сущности, он медленно умирал на

* Очерк перепечатывается из журнала «Рабочий класс и современный мир» (№ 6, 1988 г.) с любезного согласия автора и редакции.

Фото Александра УСТИНОВА

НАЧАЛО ПОЛИТИЧЕСКОЙ СМЕРТИ БРЕЖНЕВА

Иностранные журналисты в Москве отмечали в своих репортажах то равнодушное спокойствие, с которым очень многие из рядовых граждан встретили весть о смерти Брежнева. Этого события давно ждали. «Отмучился», — сказала пожилая работница, которая еще недавно с жалостью говорила мне: «Такой старый и больной, а еще заставляют работать». Эта женщина и ее муж были моложе и здоровее Брежнева, но они уже давно были на пенсии и проводили большую часть дня у телевизора. Действительно, известие о смерти Брежнева большинство людей в стране приняли спокойно, не было ничего, что походило бы на «всемирную скорбь».

В Обращении ЦК КПСС, Совета Министров СССР и Президиума Верховного Совета СССР к советскому народу говорилось, что «жизнь и деятельность Л. И. Брежнева будут всегда вдохновляющим примером верного служения Коммунистической партии и советскому народу». На внеочередном Пленуме ЦК КПСС, который собрался в Кремле 12 ноября 1982 года, также можно было услышать, что Л. И. Брежнев «навсегда останется в памяти благодарного человечества как последовательный, страстный и неутомимый борец за мир и безопасность народов». То же самое можно было услышать с трибуны Мавзолея в день похорон.

Но уже через две недели, на очередном Пленуме ЦК прозвучала хотя и косвенная, но резкая критика многих недостатков прежнего руководства и утвердившегося при нем бюрократического стиля управления. Имя Брежнева все реже и реже стало появляться в печати, а его портреты снимались как со стен московских домов, так и со стен служебных кабинетов. В газетах и журналах почти исчезли цитаты и ссылки

БРЕЖНЕВ

ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ ЛИДЕРА ЗАСТОЯ

глазах всего мира. У него было в последние шесть лет несколько инфарктов и инсультов, и врачи-реаниматоры несколько раз выводили его из состояния клинической смерти. В последний раз это произошло в апреле 1982 г. после несчастного случая в Ташкенте.

Разумеется, болезненное состояние Брежнева стало отражаться и на его способности управлять страной. Он был вынужден часто прерывать выполнение своих обязанностей или перелазить их на непрерывно растущий штат своих личных помощников. Рабочий день Брежнева сократился на несколько часов. Он стал выезжать в отпуск не только летом, но и весной. Постепенно ему становилось все труднее выполнять даже простые протокольные обязанности, и он перестал разбираться в том, что происходит вокруг. Однако очень много влиятельных, глубоко разложившихся, погрязших в коррупции людей из его окружения были заинтересованы в том, чтобы Брежнев время от времени появлялся на людях хотя бы как формальный глава государства.

Они буквально водили его под руки и достигли худшего: старость, немощь и болезни советского лидера стали предметом не столько сочувствия и жалости его сограждан, сколько раздражения и насмешек, которые высказывались все более открыто.

Еще днем 7 ноября 1982 года во время парада и демонстрации Брежнев несколько часов стоял, несмотря на плохую погоду, на трибуне Мавзолея, и иностранные газеты писали, что он выглядел даже лучше обычного. Конец наступил, однако, всего через три дня. Утром во время завтрака Брежнев вышел в свой кабинет что-то взять и долго не возвращался. Обеспокоенная жена пошла из столовой за ним и увидела его лежащим на ковре возле письменного стола. Усилила врачей на этот раз не принесли успеха, и через четыре часа после того, как сердце Брежнева остановилось, они объявили о его кончине. На следующий день ЦК КПСС и Советское правительство официально оповестили мир о смерти Л. И. Брежнева.

на Брежнева. Весьма формально были проведены в декабре 1982 г. различные мероприятия по увековечению памяти. Сообщения о митингах и собраниях по этому поводу были краткими и помещались где-то на последних страницах газет. На торжественном заседании, посвященном 60-летию СССР, имя Брежнева прозвучало только один раз — во вступительной речи К. Черненко. С другой стороны, слова докладчика о том, что партия и народ «должны ориентироваться на дела, а не на громкие лозунги», были восприняты как критика в адрес Брежнева. Эта фраза была встречена аплодисментами присутствующих. Выход в свет 9-го тома сочинений Л. И. Брежнева «Ленинским курсом», а также последних разделов его мемуаров был отмечен в печати весьма сдержанными комментариями. В Тезисах ЦК КПСС к 80-й годовщине образования РСДРП можно встретить имена Маркса, Энгельса, Ленина и Андропова, но не Брежнева. С февраля 1983 г. упоминания имени Брежнева почти полностью прекратились. Один лишь раз упо-

мянул имя Брежнева и М. С. Горбачев в своем докладе на торжественном заседании в Москве, посвященном 113-й годовщине со дня рождения В. И. Ленина. Процесс забвения шел не только в печати. О Брежневе все меньше и меньше говорят в любой советской семье, его образ исчезает и из сознания народа. Мы присутствуем, таким образом, не только при постепенном демонстраже «культы» Брежнева, который беззастенчиво насаждался в стране в течение столь многих лет, но и при начале его политической смерти.

ГЛАВНЫЕ ПРИЧИНЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СМЕРТИ БРЕЖНЕВА

Основные причины физической смерти Брежнева были опубликованы 12 ноября 1982 года в кратком медицинском бюллетене. Причины его политической кончины с такой же краткой определенностью изложить трудно. В первую очередь надо сказать в этой связи о том, что Брежнев оставил своим преемникам тяжелое наследие из трудно-разрешимых проблем. В сущности, последние пять лет его правления были годами все углубляющегося экономического и политического кризиса. Ни один из планов экономического развития в эти годы не был выполнен. Национальный продукт увеличивался не более чем на 2 процента в год при ухудшении многих важных экономических показателей. Огромные трудности возникли в энергетике, в угольной и лесной промышленности, на транспорте, в производстве многих предметов потребления. Четыре года подряд был неурожай, и в этом повинна не только плохая погода. Особенно сократилось производство зерна. Соответственно увеличились закупки зерна и продовольствия за границей. Полки продовольственных магазинов пустели, в большинстве промышленных центров пришлось ввести лимитирование в распределении продуктов питания. Была

ные обозреватели отмечали, что при нем Советский Союз достиг небывалого ранее военного могущества, впервые в своей истории сравнявшись с объединенной военной мощью Запада. Это верно. Но даже энергичные сторонники укрепления военной мощи СССР понимали, что военно-промышленный комплекс является, в сущности, лишь болезненным наростом на экономическом организме любой страны и его развитие всегда лимитируется развитием гражданских отраслей экономики. Поэтому без крепкой и хорошо налаженной экономики, без передовой технологии, без процветающего сельского хозяйства, обеспечивающего хорошее питание всего населения и необходимые стратегические резервы, не только дальнейшее расширение, но и поддержание военной мощи СССР может оказаться крайне затруднительным или вообще невозможным.

Конечно, политические, хозяйственные или даже военные неудачи и трудности не могут быть единственной причиной политической смерти того или иного человека, возглавлявшего страну или партию. Многие великие политические лидеры потерпели неудачу в своих начинаниях, они имели печальную возможность видеть упадок своего дела в конце своей жизни, однако это не приводило автоматически к их политической смерти. Масштабы личности и деятельности того или иного политика или деятеля культуры могут иногда даже возрасти в благодарной памяти его наследников и потомков.

Но истина состоит в том, что Брежнев не был подлинно великим или даже выдающимся человеком. Если давать какую-либо предельно краткую характеристику, то я сказал бы в первую очередь о нем как о слабой почти во всех отношениях личности. И этим он отличался от своих предшественников. У него не было интеллектуальной силы и политического гения Ленина. У него не было сверхчеловеческой силы воли и злобного властолюбия Сталина.

У него не было исключительной самостоятельности, огромных реформаторских замыслов и громадной работоспособности Хрущева. И по характеру, и по интеллекту Брежнев был посредственным и неглубоким политиком, но большим мастером аппаратной интриги.

Несомненно, что слабость Брежнева как руководителя и человека не могла не отразиться и на положении дел в стране. Здесь не было простой автоматической связи, так как ухудшение как внутреннего, так и международного положения СССР было связано и с рядом объективных причин. Однако глубина переживаемых трудностей определялась и рядом субъективных причин, и в частности прогрессирующим одряхлением Брежнева и его ближайших соратников. Ведущая группа советских лидеров, как она сложилась в 1978—1982 гг., оказалась не в состоянии преодолеть неблагоприятное влияние объективных тенденций. При этом сказались не только то, что Брежнев, Сулов, Кириленко и отчасти Косыгин были уже очень старыми и тяжело работали большими людьми, способными работать лишь несколько часов в день и слишком обремененными заботой о состоянии своего здоровья. Можно вспомнить, что и Ленин был в 1922—1923 гг. тяжело болен и врачи разрешали ему работать нередко всего по 10—15 минут в день. Однако то, что он сумел сказать, написать и продиктовать в эти годы, составляет едва ли не наиболее важную и зрелую часть его наследия. Тяжело был болен в 1949—1953 гг. и Сталин, однако это не ослабляло страшной силы его деспотической власти. Что касается Брежнева, то во время болезни он практически целиком отстранился от руководства страной, передоверив его клике своих многочисленных фаворитов и помощников.

Выступая 12 ноября 1982 года на Пленуме ЦК, Черненко говорил о выдающихся способностях, остром уме и исключительном мужестве Брежнева,

о его находчивости, требовательности к подчиненным, нетерпимом отношении ко всем проявлениям бюрократизма и т. п. С таким же успехом он мог бы говорить о выдающемся литературном даровании покойного (не зря же он получил Ленинскую премию по литературе), о его глубочайшей научной эрудиции (не зря же он получил золотую медаль имени Карла Маркса) или о его выдающихся полководческих и ораторских дарованиях. Даже во многих статьях в западной печати о Брежневе говорилось как о сильной личности, как о человеке с сильным интеллектом, умело и тонко «обвыгрававшем» своих соперников. Но все эти оценки далеки от истины. Брежнев никогда не был тем, кого принято называть «сильной личностью». Это был человек со слабой волей и слабым характером. Во многих отношениях он был человеком не только доброжелательным, но даже мягкотелым. Но качества, которые можно было бы считать даже похвальными для рядового обывателя, не слишком подходят для руководителя могущественной сверхдержавы.

«ТИХИЙ ПЕРЕВОРОТ» 1970 ГОДА

В Политбюро Брежнев в конце 60-х годов был только первым среди равных, многие из членов Политбюро выдвинулись еще при Сталине и занимали тогда более высокие посты, чем Брежнев. Другие члены Политбюро выдвинулись при Хрущеве. Однако став Генеральным секретарем ЦК КПСС, Брежнев получил возможность продвинуть вперед многих из своих ближайших друзей. Так, например, в 1966 году было решено восстановить упраздненное при Хрущеве общесоюзное министерство внутренних дел. По предложению Брежнева новым министром внутренних дел стал его друг — выпускник Днепродзевского металлургического института Н. А. Щелоков, продолжавший все еще работать в Молдавии в ка-

ЕВ

Фото Алексея ГОСТЕВА

расширена система коммерческой торговли по более высоким ценам. Все это вызывало недовольство среди самых широких слоев населения.

Чрезвычайно усложнилось международное положение СССР. Мало что осталось от времен «детанта», а отношения с Соединенными Штатами стали напоминать худшие времена «холодной войны». Страны Востока и Запада стояли на пороге нового витка спирали все более опасной дорогостоящей и бессмысленной гонки вооружений. На востоке появилась такая трудная проблема, как Афганистан, а на западе — не менее трудная проблема Польши. Китайско-вьетнамский конфликт, проблема Кампучии, приход к власти в ФРГ консервативного руководства — все это осложняло решение проблем советской внешней политики.

Политический капитал, накопленный администрацией в годы разрядки и сравнительно быстрого экономического развития 60-х годов, был позднее почти полностью растрочен. Анализируя эпоху Брежнева, многие иностран-

честве второго секретаря ЦК. Щелоков быстро перебрался в Москву и получил большую квартиру в доме на Кутузовском проспекте, где жил и сам Брежнев. В этом же доме выше этажом имел квартиру и Ю. В. Андропов.

Еще в 1965 г. членом Военного Совета и начальником Политуправления Московского военного округа стал друг Брежнева и Щелокова К. С. Грушевой. Важный пост Управляющего делами ЦК КПСС занял бывший выпускник Днепропетровского металлургического института Г. С. Павлов, работавший до того на малозначительном посту в аппарате Комитета партийного контроля. Еще более важный пост заведующего Общим отделом ЦК КПСС занял К. У. Черненко, перешедший сюда из Канцелярии Президиума Верховного Совета СССР. Стал быстро увеличиваться и личный секретариат Брежнева, возглавляемый Г. Э. Цукановым. К концу 60-х годов в нем имелось около 20 помощников, секретарей и референтов, каждый из которых создавал и свой подсобный аппарат. Друг Брежнева Н. А. Тихонов перешел не только из кандидатов в члены ЦК КПСС, но и с более скромной должности заместителя Председателя Госплана СССР на должность заместителя Председателя Совета Министров СССР.

Немалое недовольство в самых различных кругах вызвало быстрое возвышение С. П. Трапезникова, который со сравнительно скромной должности в ВПШ перешел на пост заведующего отделом науки, школ и вузов ЦК КПСС. Трапезников отличался феноменальной безграмотностью. Во время его выступлений слушатели забывались тем, что составляли списки грубых ошибок и оговорок, допущенных докладчиком. За короткое время московские издательства опубликовали несколько книг Трапезникова, посвященных истории партии, аграрным и идеологическим проблемам. Вероятно, он передавал для публикации те рукописи, которые в прошлые годы не мог напечатать. В книгах, которые вышли в свет, имелось так много фактических и просто стилистических и грамматических ошибок, что выписки из этих книг с нелепыми, безграмотными и глупыми выражениями ходили среди московской интеллигенции вместе с материалами «Самиздата». Мне было трудно понять, как эти книги вообще могли попасть на полки книжных магазинов: или у Трапезникова имелись еще более неграмотные редакторы, или издательство сознательно ограничило лишь минимальной правкой его рукописей, чтобы скомпрометировать автора. Став после XXIII съезда членом ЦК КПСС и укрепив таким образом свое положение, Трапезников выставил свою кандидатуру в члены-корреспонденты АН СССР. При предварительном голосовании на Отделении общественных наук кандидатура Трапезникова была одобрена, но на общем собрании действительных членов Академии он не получил не только необходимых для избрания 2/3, но даже половины голосов. Разразился скандал, и многие консервативные ученые из Отделения общественных наук потребовали повторного голосования. Президент Академии М. Келдыш доложил обо всем Сулову. Последний сказал, что если академики требуют провести переголосование, то его надо провести, но не следует оказывать давление на участников голосования. Сулов был человеком консервативным, но все же достаточно грамотным, чтобы понимать, что представляет собой его новый подчиненный. Но Сулов не хотел из-за Трапезникова вступить в конфликт с Брежневым. На повторном заседании общего собрания Академии наук в защиту Трапезникова выступили академики В. М. Хвостов и Б. А. Рыбаков — оба от отделения истории. Но против Трапезникова выступил выдающийся физик академик И. Е. Тамм, который весьма квалифицированно разобрал три главные книги Трапезникова и дал им отрицательную

Андрей ПЛАТОНОВ

БУУЧИЛО

«Тянется день, как дратва: скука бычачья. Рассказать тебе про дни?»

I. О РАННЕЙ ПОРЕ И ВОЗМУЖАЛОСТИ.

Жил некоим образом человек — Евдок, Евдоким, фамилию имел Абабуренко, а по-уличному Баклажанов.

Учил его в училище поп креститься: на лоб, на грудь, на правое плечо, на левое — не выучил. Евдок тянул за ним по-своему: а лоб, а печенки...

— Как называется пресвятая дева Мария?

— Огородница.

— Богородица, чуел! Нету в тебе уму и духу. Вырастешь, будешь музавером, абдул-гамидом.

— А ну, считай с начала, по порядку, — говорила учительница Евдокиму. — кладь по пальцам.

И Евдоким считал, не спеша и в размышлении:

— Однева, в другорядь, середа, четверхъ... ешшо однава и три кряду...

— Садись, дурь, — говорила учительница, — слушай, как другие будут отвечать.

А Евдок ждет не дожидается, когда пустят домой. Он горевал по своей маме и боялся, как бы без него не случился дома пожар — не выскочат: жара, ветер, сушь. Уж гудок прогудел — двенадцать часов. Отец домой пришел обедать, на огороде у Степанихи трава большая растет и лопухи. Ребята ловят птиц, уж скоро, должно быть, будет вечер и комары.

В училище стояло ведро — пить. Каждый день учат закону божьему, потом приходит Аполлинария Николаевна, учительница, и пишет палочки на доске, а Евдок за ней карябает грифель у себя хворостины. Потом спрашивает и велит читать вслух.

Евдок глядит в букварь и читает:

— Мо, мм...

На переменах приходит Митрич — сторож, чтобы ребята не выбили окон и не бесчинствовали.

Как чуть кто заплачет от драки или тоски по матери, Митрич орет:

— Ипать! Займаться...

И вот прошло много дней. Издох в училище на дворе Волчок. Отец Евдокима купил на толпе другой самовар. Родился у Евдока Саня — маленький брат. Покатал его Евдок на тележке одно лето — на Петровки он умер от живота.

Тоньше и шибче билось сердце у Евдока, и он уходил летними вечерами в поле и тосковал — о далеком лесе, об одной звезде, о дальних деревенских пустых дорогах. Как подросток Евдок, так вскоре попал в солдаты. Ходит по плацу, орудует винтовкой — лежит недвижимо, в душе пуд. Раз случилось с ним странное дело: семь дней на двор не ходил. Ляжет спать: бурчит в животе, и вода без толку переливается. Кругом нары, храп, пот, вонь, а внутри Евдокима прохладные вечерние деревенские дороги и ждущая ужинать мать.

Дать бы по скуле изобретателю сердца!

Осмелился Евдок и пошел к доктору. Так, мол, и так-то.

— Што-о?.. — провыл доктор.

Евдок опять:

— Осьмой день не нуждаюсь.

Уходя, Евдок взялся нечаянно на докторовском столе за карандаш.

— Возьмите себе его на память, Абабуренко, — сказал доктор.

Евдок погладил черную камилавку доктора.

— Пожалуйста, Абабуренко, возьмите и ее. Натя вам и ручку. Она вам нравится?

Оказывается, доктор был мнительный человек: дверную ручку брал не иначе, как в перчатке. Кто у него в кабинете возьмет что в руки или пощупает, то ему доктор сейчас же и подарит на память: лампу, лист бумаги, клоч ветоши, либо какой инструмент.

Странный, но сурьезный был человек.

Дня через два у Евдока рассосались кишки, и он оправился.

Так шла и шла жизнь Евдокима, рекой одинаковых дней, пока он не перекувырнулся и не изобрел настоящего бессмертного человека, который остался на земле навсегда и уже не расставался со своей матерью

и породил звезду с соломой, плетнем и ночной порожней дорогой меж тихих деревень.

Об этом еще будет длинная повесть, это будет скоро у всех людей на глазах.

II. СТРАНСТВИЕ.

Была революция, было передвижение людей по земле, была веселая работа. Был комиссаром Абабуренко, кормил отряды в голодных селах, думал, воевал и странствовал. Как великое странствие и осуществление сокровенной души в мире осталась у него революция. Реквизировал животность и мертвый продукт и писал бумаги:

«Предлагаю уплатить моему отряду жалованье за четыре месяца вперед.

Комиссар-командир, член партии большевиков Евдоким Абабуренко. Угрожаю захватом города и привлечением его жителей, обывателей и прочих к революционной ответственности по революционной совети. Комиссар Абабуренко. № 7143268».

Прогремело имя Абабуренко в кулацких степях — и стихло. Все прошло, как потопло в бучиле татарской осохшей реки.

Странником остался Евдоким и стал портным. Живет в городке одном и имеет душевного друга, Елпидифора Мамашина, который был бас и дурак.

Вошли мы раз с Елпидифором в хату к Евдокиму (дело до него было — не особо существенное, впрочем) — тишина, темнота и жуть.

— Где тут портной живет, сделать из штанов галифе?

— Стой, — закричал Елпидифор, — я сообразил: живые люди воняют.

Понохали: дух стоял чистый, и вдруг, действительно, понесло махоркой и женой бородой.

— Вот он — портной, вылазь.

Заскрипела спальная снасть, и невидимое тощее тело сморкнулось и забурчало. Для света и вежливости я спокойно закурил.

— Здорово, Евдоким. Раскачивайся!

— Здравия желаю, граждане, — как кувалдой гвазданул Евдоким, портной. В чистом воздухе, тишине и тьме хранился такой голос! Как огурец зимой в кадке.

Зажгли коптильный светильник. Скамейка, стол, вода в ведре и спящий глубоко и непробудно щегол под потолком в тепле. Евдоким надел для серьезности и пропорциональности своей профессии очки и привязал их веревочкой к ушам — приспособление самоделное. Евдоким теперь постарел, стал угрюм, покоен, похожий на деда, на сон и хлеб — коричневый, ласковый, тепловатый, как хлебное мякушко. Из сапожной кожи был человек, если царапнуть ему щеку — рубец останется. Но в желтых глазах его было ехидство и света — Евдоким был сатана-мужик, разбойник, певец и ходил женишком. Засиделым девкам в воскресенье лимонад покупал. Не женился, будто бы потому, что подходящей ласковой бабы не подыскал, и впоследствии купил щегла.

— Так, говоришь, тебе две галифы изделать?

— Да, желательны бы.

— Так-так... Одна галихва выйдет, а на другую матерьялу подкупай, — задумчиво сказал Евдоким и поглядел через очки.

— А стоимость какову скажете?

— Да что ж с вас — один алимон, чаю попить.

— Прекрасно, прекрасно, — сказал Елпидифор (отчасти бывший интеллигентом). — До свидания!

— Прощевайте. Посветить вам, может?

— Не надобно, не утруждайтесь, мы так.

И мы полезли к старинному монастырю на гору. Чудесно тут держались дома — на сваях и камнях. Из города лилась сюда нечисть, и если наверху кто оправлялся — в окно Евдокиму брызги летели. Непрочное и пагубное стояло тут жилье, опасное местопребывание. Ни подойти, ни подъехать. Весной и в дожди Евдоким и его соседи становились туземцами и о них писали в газетах, но они их не читали. В старое время, бывало, полицейские гнали отсюда все народонаселение, как подходила весна. Но никто не уходил — лезли на крышу, тащили туда детишек, поросят, петуха, самовар — и сидели. А когда ночью поднималась вода и уплывали невозвратно табуретки, зах-

Рисунок Александра КЛИЩЕНКО

лебивался телок, то и на крыше начинали орать жители.

А с бугра утром махал городской:

— Я ж тебе говорил, упреждал, — чуни пожалел — постись теперь, угодник чортов.

А на третий день, чуть просохло — и городской жителю в бок.

Бывали дела.

На другой же день Елпидифор купил свои штаны на базаре — клеймо на них было. Он к Евдоку — хотел ему чхнуть разок, а Евдок уж в деревню ушел. Тем дело и кончилось.

Ехал Евдок в деревню и похохатывал: дела твои, господи.

Приехал в деревню, продал хату своей бабки и купил лошадь. Поехал на Дон купать ее и утопил.

— Эх ты, животное существо, — сказал Евдок и пошел куда ему надобно было.

Пожив в деревне неделю-другую, съел все и пошел побираться. Ходил по всей округе и тосковал. Начинаясь осень, ветер выл в проволоках, обдутые стояли древние курганы и шел с мешочком картошек Евдок. Стар стал, некому любить и жалеть. Кажется, чем-то легким придавлено горе к земле, и когда-нибудь все заплачут и прижмутся друг к другу. Это будет, когда наступит потоп, засуха, или лютая хворь, или из сибирской тайги тучею выйдет восставший зверь. Одно горе делает сердце человеку.

Стал странником, красноармейцем и нищим Евдок и многое понял и полюбил грустным чувством.

В глухой деревне Волошине, в овраге, приютила Евдока одна старушка:

— Живи, старичок, у нас картохи есть, теперь ходишь не по нашей одежде, не объешь небось, поставь палочку в уголок.

Пожил Евдок у старушки до весны. Стонали оба всю зиму по ночам от голода, холода и старого, запекшегося горя. Занудилась душа у Евдока. Выглянет в окно — снег, бучило, кладбище на бугре, кончается тихий день. Куда тут пойдешь, когда кругом бесконечность.

Прогремела весенняя вода по оврагу, подсохли дороги, вылезли воробы на деревенскую улицу. Стал собираться Евдок.

— Ничего тебе не надобно? — спросила старушка.

— Ничего, — сказал Евдок.

— Ну, иди с богом.

— Прощай, Лукерья.

И Евдок тронулся.

Ветер был тихий и тонкий, как нежная сердечная музыка. На плешивом кургане, обмытом водами и воздухом, Евдок вздохнул, поглядел на дальнюю кайму лесов, на все живое, грустное и далекое, потом спустился и попил водички из потока.

Дни опять начались сначала.

III. СМЕРТОУБИЙСТВО.

Абабуренко Евдоким стал по отчеству именоваться Соломоновичем. Соломоновичем он стал теперь не потому, что роду был иудейского, а потому, что считался нищим, не помнящим родства, сиротой и безотцовщиной. Кроме всего прочего, он одно лето, под самую революцию, местонаходился в услужении у еврея, скупщика костей-тряпок, Соломона Луперденя.

Однако дело это прошлое. Соломона теперь нет — помер, должно быть. Девятнадцать человек детей его рассеялись по поверхности земли неприметным образом.

Ханночка — супруга Соломона, красивая милая женщина, умерла с голоду два года назад, когда город их заняли казаки. А кто говорил, что ей забили кол в матку два офицера-охлальника, и оттого, будто бы, она скончалась.

Теперь это дело прошлое. Лучше давайте уберем живых, а о мертвых будем плакать в одиночку по ночам.

Над складом Соломона давно уже висела красная вывеска.

Р.С.Ф.С.Р.
**БАЗИСНЫЕ СКЛАДЫ
 КОСТЕОБРАБАТЫВАЮЩЕЙ
 И ВАТНО-БУМАЖНОЙ
 ПРОМЫШЛЕННОСТИ
 ГУБЕРНСКОГО МАСШТАБА**
 Изобразил живописец Пупков.

Соломон же орудовал без вывески безо всякой — и так знали. И так жилось терпимо — туго от суеты и работы в конторе и сладко и прохладно дома, в небольших восьми комнатах, пропахших женой плодотворной.

Давно это было — до революции. Теперь уж и Абабуренко старик. Но не только старик, а также оратор, гармонист, охотник до зверей, мудрец, измышляющий благо роду человеческому, и в общей суммарности, как говорил сам Евдоким Абабуренко, из него получался вроде как большевик, член Российской Коммунистической Партии, в скобках — большевик. Любил определять так свою личность Абабуренко — полностью, не спеша и вразумительно для всех малосведущих. Внушительной личностью был Абабуренко, веский человек.

Жизнь прошла — как ветер прошумел: и холодно, и вьюжно было, и тепло, и ласково, и благосклонно — всего достаточно бывало. Замечательно хорошо. В рассудке неслись высочайшими, почти незримыми облаками ласковые лица, милые дарящие руки Ханны Яковны, ясные, любящие глаза Дарьюшки — жены ненареченной, ибо не пришлось войти в брак Евдокиму Соломоновичу — брехать здоров был.

Рассудительно оглядывая Евдоким Соломонович жизнь со всех четырех сторон и всюду усматривал одну благодетельность. Все неблагоприятное сокрушается рукой живого человека.

Евдоким Соломонович сам поджигал усадьбную постройку у князя Барятинского и жалел, что упустил самого старика — кишки бы выпростал наружу, до того лют был, язва, до мужиков. Жил, как хворь, на отощалых мужицких телесах. Теперь за границу взять бы в колья. Вышла бы потеха и потешение. Слышал кое-что о загранице Евдоким Соломонович, даром что

грамоте недоучился, когда мальчишкой был.

Полюбил почему-то на старости лет Евдоким Соломонович сахарин. Вошел во вкус.

Теперь посиживает на огороде караульщиком — скукота душевная. Это только дереву или како-

му другому растению подобает всю жизнь находиться на едином месте и не скучать. Человек же — существодвигающееся и даже плавающее, поэтому ему на одном месте скучно, грусть берет и жутко.

Нечего делать — варит целый день картошку Евдоким Соломонович, посыпает ее сахарином, ест без особой охоты. Затем, полежа на брюхе, опять подвешивает котелок — и так, в неугомонной еде и рассуждении, проходят летние дни и звездносные ночи с мертвым месяцем.

Страдал Евдоким Соломонович водобоязнию (и еще изжогой) и потому не купался, хотя река была в версте. Вшей расплодил, по причине нечистоплотности, в большом количестве, и привык к ним так, что особой тревоги от них не ощущал.

Теперь дело к осени. Мошкара убyla. Повывлезли волки — старые и молодняк. Любил Евдоким Соломонович по-волчьи вить. Есть играют на мандолине, есть на жалейке, а он искусно весьма завывал, так что волки приходили к нему и лезли на землянку: страха, шутти-што!

Уйдут волки — скука, и Евдоким Соломонович повет опять. Так ночь, — в страхе и вое, в человечьем и волчьем, — проходила короче.

А ночи все длиннее и холоднее. По утрам прозрачен и звонок воздух. Поздно дымятся избы — некуда спешить завтракать, мертвые лежат поля. Незачем вставать рано — кончились все работы, одну картошку копают.

И однажды, не бугор сверзая в реку, умер Евдоким Соломонович.

Лег спать, было еще не поздно. Ночью встал опраться, вылез из землянки — месяц стоит над белым осиянным пустыем, задернутым ледяною росой. Глухо было и безлюдно, человек не помнит про человека. Далеко колотушечник, старик, спрехвала постукивает и лес на верхах бружжит.

Сел к чему-то Евдоким Соломонович на землю и чувет, что голова его куда-то закатывается, и мочи никакой в теле нету, и душа больше не тревожит.

Вскочил Евдоким, хотел заплакать и что-нибудь сказать, но не чуя грунта, ударился оземь так, что в животе ни к чему забурчало.

Месяц потух, на его удивление, на его глазах. Звезды пронесли шумной рекой, и земля продавилась под ним вниз, как дно в бучиле татарской засохшей реки; и колотушечник, старик, сразу смолк на деревне, как будто и не постукивал либо сходу заснул.

МЫ-ЖИВЫ...

Окончание.
Начало на 5-й стр.

— Люда. Я встречаю жениха, а моя подруга — мужа. Когда приходят? Может, сегодня, а может, в последний день. Ребята подскажут — это наша часть... Да, мы там были. Она работала на кухне, я — в медбате... В операционной была только два дня. Но мне и этого хватило — думаю, навсегда... Нет, далеко не все верят в это. И все равно идут в бой, все равно умирают. А куда денешься — военные. Поэтому мне всегда очень горько, когда этим ребятам да и нам бросают упрек: «Мы вас туда не посылали!»

«Едут!» — летит с вершины холма. «Едут, едут, едут!» — разноголосым, разноакцентным эхом прокатывается над головами. Толпа задвигалась, заволновалась — как мехи развернутой гармонии. «Добро пожаловать к нам в Термез!» — звенят голоса. Это репетирует уже знакомая нам группа девушек.

А по мосту идет колонна. Посередине этого километровой гиганта проходит условная линия, разделяющая СССР и Афганистан. Первые машины уже пересекли ее. «Добро пожаловать к нам в Термез!» — опять звенит над ухом.

Термез — небольшой, чистенький городок на правом берегу Амударьи, с причудливыми арыками вдоль тротуаров, с седебородыми стариками в ярких халатах и молодыми крепкими ребятами в хаки.

Почему город зовется Термезом? На этот счет есть несколько версий. Рассказывают, что в средние века, когда над Амударьей еще не воздымались мосты, на другой берег люди перебирались вброд. Путники и купцы — афганские, иранские, индийские — надували бурдюки и, вцепившись в них, как в спасательные круги, переправлялись на правый берег. Рядом, грузенные тканями и пряностями, шли верблюды. Кто знает, сколько людей, животных, добра погребли воды бешеной реки... Добравшись до правого берега, люди ликовали. И в раскаленный солнцем воздух несся гортанный крик: «Тырык быз!» («Мы живы!»).

Город, появившийся там, где звучали эти два слова, так и окрестили. Но века (2300 лет) упростили транскрипцию — город стал называться Тырмаз (в русскоязычном варианте — Термез).

После окончания митинга стройные шеренги цвета хаки растворяются в многоцветье толпы.

— Алешу моего не видели?.. Алешу моего не видели? — подбегает то к одному, то к другому солдатке женщина с широко открытыми глазами.

Позже мне скажут, что она приходит сюда каждый день. Месяц назад получила цинковый гроб, но никак не может поверить, что в нем был Алеша...

Гудят сирены, и отдельный батальон материального обеспечения, усиленный войсками-десантниками, разбегается по машинам. И тут в тщательно продуманный сценарий дня вносится небольшая поправка. Журналистка из США, которую все называют Джеммой, забирается на один из БТР проехаться вместе с десантниками.

Стоящий рядом со мной фотокор, по виду скандинав, кивает мне на американку, и... мы следуем по примеру. Колонна трогается. Прислонясь к башне, я кричу что-то в ухо голубоглазому сержанту, выглядывающему из люка, а скандинав снимает ликующую толпу. Неожиданно машина резко дергается вперед. Стоящая на «корме» Джемма отшатывается к самому краю, неловко взаминая руками и только каким-то чудом удерживается на «броню». От-

скочив к башне, она оглядывается: следом за нами, практически без интервала, грохоча гусеницами, движется БМП. Скуластый парень, сидящий на «носу» машины, узнав во мне своего соотечественника, выпячивает нижнюю челюсть и орет мне что-то непечатное. Я не обижаюсь, он прав: «броня» не игрушка.

На повороте машина сбавляет ход. Первым прыгает скандинав, за ним — Джемма, последним — я. В руки Джеммы тут же летит букет из идущей следом БМП, той самой, под гусеницами которой она едва не оказалась. Джемма смеется и бросает букет в следующую машину, а оттуда к ней летят целых три... Скандинав поворачивается ко мне и, состроив ироничную мину, кивает, как бы говоря: «Вот так-то, брат, женщинам нравятся десантники. Не то что мы с тобой — бумагомаратели». Но и он (впрочем, как и я) готов в этот момент расплыться в идиотской улыбке безотчетной радости и расцеловать и Джемму, и десантников, и девочек-узбечек, подпрыгивающих у обочины.

...Показуха, — говорит Андрей Винников и, скалясь от боли, смотрит в сероватый потолок. Сегодня в два часа ночи ему сделали операцию. Вроде бы пустяковую — вырезали аппендикс. Но если бы Андрей поступил в госпиталь хотя бы немного позже, исход мог быть самым печальным.

— Все это относится и к Бакыту. — Саша, сосед Андрея по палате, кивает на парня, спящего на койке у окна.

В это трудно поверить, но в жизни бывает и такое. Вечером 5 февраля сильные боли в правой части живота начались одновременно у двух водителей «КамАЗов» — рядовых Винникова и Абубакирова. Не обращая внимания на боль, и тот, и другой продолжали вести машины. В Уланге застряли — дорога обледенела. С каждым часом боли усиливались. Утром 6 февраля, когда Андрей уже скрипел зубами, замполит, ехавший с ним, вышел на дорогу и стал просить водителей проезжающих мимо БМП и БТР, тех самых, что спешили на термезский митинг, подтолкнуть «КамАЗ» наверх, до Саланга. Но ни одна машина не остановилась. «А чуть выше по дороге безуспешно «голосовал» загибающийся от боли Бакыт. Да, вероятно, был приказ — идти, не останавливаясь. И все же...

Только 7 февраля, после обеда, какой-то офицер согласился подтолкнуть «КамАЗ» Винникова своей машиной. Примерно в то же время взяли на буксир и машину Бакыта.

Итак, два дня назад, когда здесь, по эту сторону границы, перемешались речи и улыбки, цветы и транспаранты, по ту сторону корчились от боли два парня. Скрученные банальным аппендиксом, они не вписывались в грандиозную картину всеобщего ликования...

— Да, — кивает мне Андрей Фадеев, — человек у нас — это так, пшик, одни разговоры. Даже на гражданке. Не говоря уже о войне.

Ноги старшего лейтенанта загипсованы — шесть дней назад в районе Пули-Хумри он подорвался на mine.

— Если вы думаете, что, собираясь в Афган, я верил в правоту дела, то вы ошибаетесь. Я прекрасно знал, что эта война не нужна никому. А мне — так уж подавно: я женился за месяц до отправки.

— Вы, наверное, в обиде на фортуны? Ранение в последние дни войны...

— Ранение не такое уж сильное. Здесь есть ребята, у кого гораздо боль-

ше оснований винить судьбу.

— Если бы только судьбу! — ухмыляется Саша. — Я, например, во многих ранениях, которые получили наши, вино командира батальона... Любимая его поговорка: «Мне не надо, чтобы солдат служил, мне надо, чтобы он мучился». По ночам не давал спать — заставлял по несколько раз драть машины. А утром идешь колонной по какой-нибудь горной дороге — голова на руль падает. Да еще на лысых шинах... Так один у нас и скочырнул — высота была метров десять.

— А почему на лысых шинах? Вам что, новых не привозили?

— Привозили. Только новые шли редко и бачам... Что такое бача? Афганец, мирный житель... Наш комбат при торговывал.

— Как! Торговал армейским?

По палате прокатывается шумок недоумения (ребята удивляются моему невежеству) — и на меня сыплется целый град фактов... Как выясняется, случай с комбатом, торгующим шинами, не исключение.

— Скорее бы все это кончилось...

Я оборачиваюсь. В дверях, опираясь на костыли, стоит Андрей Карп — он вернулся с перевязки.

...Что-то оглушило его. Но гранатомет, наведенный на них с Пашкой, был здесь ни при чем. Тот, длинный, в белой куртке, так и не выстрелил. Андрея ударили сзади — прикладом по голове.

Потом, когда их ввели по кишлаку узким лабиринтом между глиняных заборов, он еще раз попрощался с жизнью. «Дерну! И пусть этот носатый дух всадит пулю в затылок. Это лучше, чем...» Он вспомнил изуродованные до неузнаваемости лица двух знакомых ребят. Но почему-то не побежал.

Их ввели в приземистый, с крохотной дверцей дувал и посадили на цветастое одеяло. Через полчаса дверь приоткрылась, в щель заглянула голова. Глаза, смотрящие из-под чалмы, показались Андрею насмешливыми, даже игривыми. Это был Абдул-Разак, главварь.

— ...И вообще всем нам, — продолжает разговор Винников, — еще повезло. Я, когда лежал в госпитале в Пули-Хумри, видел ребят без ног, без глаз, без лица. Один раз меня попросили держать ногу, которую отпилили...

Слушая, как этот парень, переводя дыхание, рассказывает об ужасах войны, я вдруг подумал: а справедливо ли, что тогда, 6 февраля, перед восторженными взорами встречающих прошествовали лишь здоровые, сильные, красивые — те, кому повезло? (Я говорю о справедливости даже не в смысле «воздай каждому по заслугам», хотя и этот момент не последний.) Справедливо ли, что завершающий аккорд войны являют собой они? Истинное ли это лицо войны?

...Убивать их не стали. Их решили обменять. А потому утром и днем они получали довольно сносные лепешки из сероватой муки, вечером — плов. К еде Андрей почти не притрагивался. Не мог. Бородатый лекарь каждый день колдовал над их ранами — пропитывал какой-то жидкостью, делал перевязки. И скоро у обоих дело пошло на поправку.

К узкому мосту, перекинутому через шумящую речушку, их подводили три раза: Абдул-Разак никак не мог сторгаться с командиром. Наконец, не выдержав, тот передал: 21 душман, и ни одним больше — или мы разнесем из орудий весь кишлак! Абдул-Разак подумал и согласился.

Припадая на простреленную ногу,

старший сержант Карп ковылял по шаткому мостику, стараясь идти как можно быстрее. Навстречу шли пятеро душманов. На середине моста, когда эти смуглые угрюмые люди, косясь, проходили мимо, Андрей вдруг почувствовал к ним что-то вроде благодарности: ведь не будь их — не было бы уже и его; и в то же время ему стало не по себе — неужели эти пять душ стоят одной души старшего сержанта? Интересно, что чувствовал полчаса назад Пашка Игнатенко, когда его обменивали на 16 таких же вот смуглых парней? Думал, наверное: да, души прапорщиков нынче в цене!

...Рыжий, веснучатый прапорщик, облокотясь о стойку автобусной остановки, травит анекдоты. Ребята в хаки, обступившие его полукругом, посмеиваются. Но как-то не очень весело. Еще несколько дней — и они разъедутся. Страница с коротким названием «Афган» будет дописана... И, может быть, именно она останется самой памятной в книге их жизни. Может, потом когда-нибудь, через много лет, они будут вспоминать и утренние, чуть розоватые горы, и рыжий песок, и крохотный ручей, к которому припадали губами, и свою — пусть случайную, пусть даже однодневную, и все же святую любовь, и самое главное — дружбу, ту настоящую мужскую дружбу, которая рождается лишь на войне... Но это будет потом. А пока...

— Ребята сказали мне, что вы собираетесь писать об этой войне, — обращается ко мне молодая женщина. — Мой вам совет — не пытайтесь ее поэтизировать, как делают многие. Красивого в ней нет ничего. Она уродлива...

Светлана Батурина прилетела в Термез 5 февраля, чтобы 6-го у моста «Дружба» встретить своего брата. Но ребята из одной части сказали ей, что батальон, в котором служит Григорий, оставлен для охраны Кабульского аэропорта.

— Помню, я просто онемела. А все вокруг радуются — музыка, транспаранты...

В Термезе за хорошую плату (все гостиницы переполнены) она остановилась у бойкой офицерской женки, квартира которой превращена в некую фарцово-перевалочную базу: через нее только за эти три дня прошли десятки плейеров, видеомагнитофонов, горы импортных шмоток...

— Довоевались, — грустно усмехается Светлана. — Кто-то сейчас спешит урвать последние куски, а горстка двадцатилетних пацанов оставлена в самом котле. По сути, на растерзание... Господи, зачем он пошел?

— А что он мог сделать? Он ведь военнообязанный.

— Да... Светлана вздыхает. — Может, когда-нибудь наступит время, когда не генералы, а мы сами будем решать, с кем и за что воевать. Будем надеяться... Во всяком случае, то, что сейчас наши уходит сюда, — уже большое дело...

На следующий день через мост опять идет колонна. На этот раз — без помпы, без митингов, без иностранных журналистов. У КПП только мы и с десятком родственников. Колонна медленно съезжает с моста. Машины урчат, обдавая нас дорожной пылью. А мы приветствуем сидящих на «броню» ребят.

Они отвечают все по-разному. Кто-то машет рукой, кто-то радостно вскидывает кулак. Молоденький солдат на БТР поднял было два пальца, изображая латинскую V (победа). Но другой, сидящий рядом, постарше, пригибает его руку к «броню»: какая, к черту, виктория! Еще один, на БМП, увидев нас, уткнулся лицом в локоть. А сидящий над гусеницей пытается улыbnиться. У него ничего не получается — по закопченным щекам текут слезы...

— «Тырык быз», «тырык быз», — слышится в рокоте моторов.

Мы — живы...

«ЭХ, НЕПЛОХО ШЛИ БЫ НАШИ КОНИ...» *

Как во мне чужая песня стонет!
Снова сердце чья-то боль ожгла...
«Эх, неплохо шли бы наши кони,
Если б им не рвали удила!»

А впервые удила рванули
Руки революции — ЧЕКА.
Самых верных доставали пули,
Самых смелых и — наверняка...

Да и мы немалое смогли бы —
Ветераны мировой войны.
Только бились, как о льдины
рыбы —
Чересчур наивны и честны...

Вся-то жизнь прошла на полигоне,
Вся-то жизнь обочиной прошла...
«Эх, неплохо б пролетели кони,
Если б так не рвали удила!»

* Из забытой революционной песни.

И куда нам теперь деваться,
Где нам спрятаться, где спастись?
Мы — заложники атомных станций,
Рваный рубль стоит наша жизнь.
Для чего нам теперь бороться?
Нету воли, нет веры, сил...
Нас бесшумный сапожок горца
Равнодушно к земле придавил.
И поэтому, может статься,
Даже лучше для нас, что мы
Лишь заложники атомных станций,
Дети ядерной Колымы...

Два сильных крыла
Распрямяют нам спины —
Величие Анны,
Мятежность Марины.
Все громче дыханье
Ахматовской шали...
Как страшно в Елабуге
Мы оплошали!
Хоть личной вины
Тут, пожалуй, и нету:
Вина ль, что дышать
Стало нечем поэту.

Марина и Анна,
Марина и Анна! —
Гремят имена,
Словно голос органа.
Величие Анны,
Мятежность Марины...

И все ж мы повинны,
И все ж мы повинны!

Пусть было черно и печально,
Пусть с разных палили сторон —
Не скажет надутый начальник,
Что шла я к нему на поклон.

Порою казалось, что силы
Кончаются, но никогда
Я даже друзей не просила —
Была и осталась горда.

Шагаю по белому свету,
Порой пробиваясь сквозь тьму,
Считая присягой лишь это:
«Жизнь — родине, честь — никому!»

“СЕРДЦЕ ЧЬЯ-ТО БОЛЬ ОЖГЛА” Юлия ДРУНИНА

«Там было легче!» —
Как ни странно,
Я понимаю тех ребят,
Что, возвратившись из Афгана,
«Там было легче», — говорят.

«Там было легче, —
Одноглазый
Спокойно повторил земляк, —
Поскольку ясно было сразу:
Вот это — друг,
А это — враг».

Я так вас понимаю, дети, —
На бэтэрах колесить
Сподручней все ж,
чем в райсовете
Благодеяния просить.

А этих сытых военкомов,
Что оскорбить посмели вас...
Боль в сердце.
В горле ярость комом.
И не поднять тяжелых глаз.

Но не теряйте гордость, дети.
В житейской темноте всегда
Пускай до старости вам светит
Солдатской верности звезда.

А больше вас утешить нечем...
И так понятно слышать мне:
«Там было легче, было легче,
Да, было легче на войне!»

СВАДЬБА

Только-только четверговали...
Хоть валялся еще во рву,
За опричника выдавали
Молодую его жену.
Щеки чем-то натерли алым,
Чтоб казалась не так синя,
И под ручки, чтоб не упала,
Все поддерживала родня.
Полумертвой, не прекословя —
Где уж? — в божий влачилась храм.

Даже новой ее свекрови
Не по сердцу был этот срам.
Лишь опричник-жених —

Хоть росточком не вышел — мал:
«Вот строптивый боярин

Я жену его обломал».
...Обломал ли? Не знаю, право —
Есть, опричник, кинжал, отравы.

И еще есть худая слава,
В морду бьющая наповал.
Эй, опричник!
Зря смотришь браво:
Род твой проклят
отныне стал.

СЛАВА ТЕМ, КТО ДРАЛСЯ В ОКРУЖЕНЬИ!

Вот уже и внука
бабка женит —
Без вести пропавшего

Слава тем, кто дрался
в окруженьи,
Перед кем Россия не права.
Не права уже десятилетия,
Лишь сейчас вину осознает —
Без «пропавших» никогда
не встретил
И никто бы сорок пятый год...

Оно, наверное, смешно:
На склоне лет — стихи.
Но можно новое вино
Влить в старые мехи.

Гляжу, задумавшись, в окно —
На морось, слякоть, стынь...
Не может сладким быть вино,
Коль наша жизнь — полынь.

Все поколенью моему,
Все ясно было мне...
Как я завидую тому,
Кто сгинул на войне!

Кто верил, верил до конца
В «Любимого Отца»,
Был счастлив тот солдат...

Живых разбитые сердца
Недолго простучат...

ДОБРЫЙ ДЕДУШКА

Трудно верить, но это было:
Всякий раз, когда шли на смерть,
Тупо целился нам в затылок
«Ангел смерти» — агент из СМЕРШ*.

Здесь бессилен мой бедный разум:
Ведь на мушке держали нас
Наши братья — рабы приказа,
А преступен был тот приказ**.

Разве были виновны роты,
Что бросали их на убой,
В лоб — с винтовкой!

— на пулеметы?..
Это бойня, отнюдь не бой...
Все же в СМЕРШе тогда, поверьте,
Были те, кто в своих — не мог.
От греха откупались смертью:
Слали пулю себе в висок...

Я не знала тогда об этом,
Но сегодня не подаю
Руку «другу»,

что с пистолетом
Из укрытия следил в бою
За тобою, солдат, за мною:
Чуть замедлили б шаг — хана...
Страшно вспомнить,

какой ценою
«СМЕРШ» оплачивал ордена!..
После, в органах,

снова в лучших
«Друг» наш целился,
как в войну...

А когда разогнали тучи —
Позабыли его вину.
Дочка, пенсия — все законно.
Чтоб без «стука» не заскучать,

В карцер черного телефона
Заклучил он жену и мать.
Все прокручивает кассеты,
Сладко жмурясь, как сытый кот.

Вновь при деле.
Сомнений нету:
Он — сверхпламенный патриот.
И кому это нынче надо:
Слушать женскую трескотню?

Но без ада нет жизни гаду,
Оправдания нету дню,
Дню, когда не подловит друга,
Не прищучит подругу он...
И шипит, и хрипит с испуга
Бедолага-магнитофон.

* Сокращенно от «Смерть шпионам» — контрразведка НКВД, непосредственно подчинявшаяся Сталину.

** Приказ Сталина № 227 о заградотрядах.

И есть ли смысл в том, что ты
В постель из вечной мерзлоты
Упал? — Догнал свинцовый овод...

Нет, это вовсе был не бой,
И сотни падали с тобой...
Какой тут смысл? —
Да никакого!

В тебя стрелял в Гулаге брат
И вроде был не виноват —
Он делал по приказу это...
Но как нам дальше жить тогда?
Где Справедливости звезда?
Легло на смысл жизни вето.

Что ж, дать в забвеньи утонуть
Прошедших этот адский путь? —
Тогда он снова повторится.
Листайте Прошлого страницы,
Переплавливая в Правду боль.

Моя страна была рабой,
Теперь ей надо стать собой.
Как это трудно —
Распрямитесь...

Рисунок Александра КЛИЩЕНКО

ЖИВОПИСЬ XX ВЕК

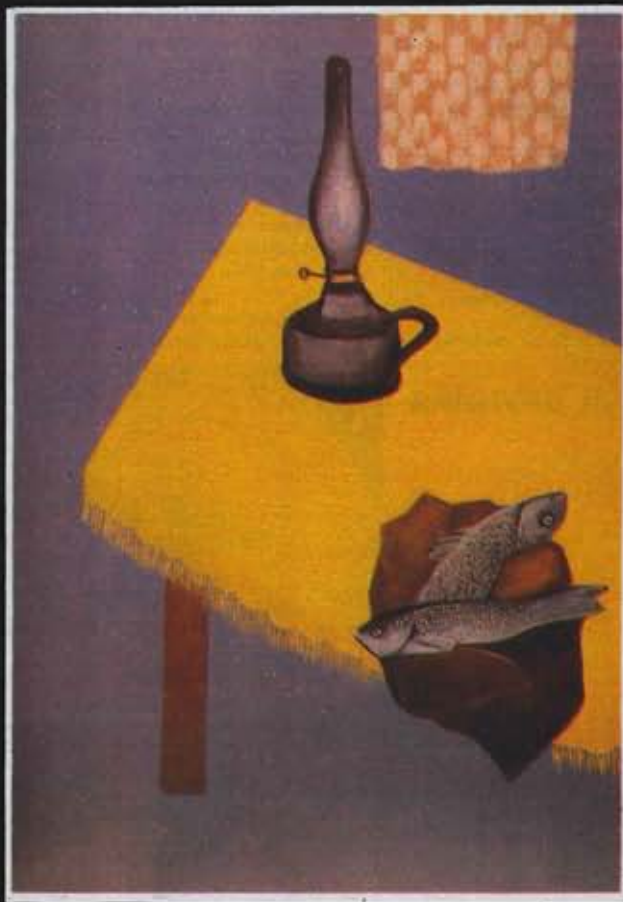
Предлагая читателю изобразительную часть начатой в предыдущем номере анкеты, а именно натюрморт, мы должны признать, что оказываемся в довольно затруднительном положении. Заключается оно в том, что издавна и по сей день общественное мнение склонно рассматривать натюрморт как наиболее камерный жанр живописи. В самом деле, если портрет требует психологической глубины образа, изображения социальной принадлежности портретируемого, а тематическая картина должна выражать многогранность и сложность события, которому она посвящена, то что же остается на долю натюрморта? Изображение предметов окружающего нас быта, и только? Давайте все-таки попробуем поставить под сомнение распространенный тезис об исключительной камерности этого жанра живописи, но сделаем это не с помощью теоретических выкладок, а на живых примерах.

Вспомним два известных натюрморта Винсента Ван Гога, изображающих обыденные из обыденнейших вещи. — «Кресло Гогена» и «Стул Винсента». Здесь нет и намека на живую натуру, но одного взгляда достаточно, чтобы почувствовать, насколько глубоко проникают эти натюрморты в область портрета и автопортрета.

Примеры, свидетельствующие

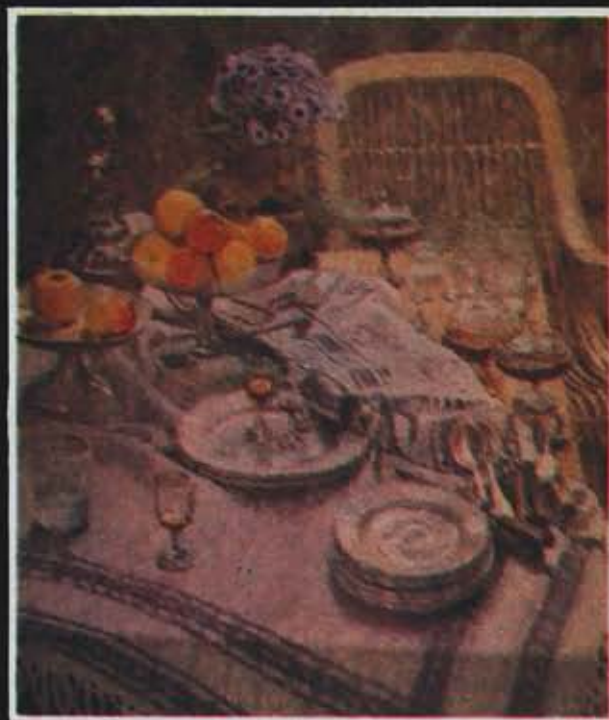
1

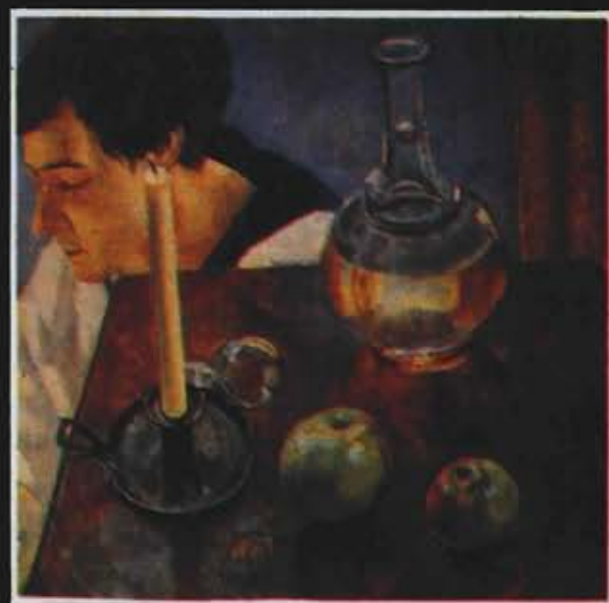
2

3

4

5

6

7

10

8

11

9

12

о возможностях этого, как оказывается, далеко не камерного жанра, можно продолжить, а продолжив, признать, что созданный большим мастером натюрморт следует воспринимать, подобно айсбергу, девять десятых которого под водой. От зрителя требуется умение за изображением мертвой природы прочесть «подтекст».

Придерживаясь, однако, главной цели нашей анкеты, мы должны сегодня сказать прежде всего о специфике и меняющемся изобразительном языке этого жанра живописи. Представленные здесь работы русских и западноевропейских художников XX века говорят именно об этом. Предварим только нашу «безымянную галерею» одним немаловажным замечанием: живописные открытия импрессионизма, кубизма, фовизма, многих других течений проникают едва ли не в каждую представленную здесь картину, независимо от того, к какому творческому объединению принадлежит тот или иной автор, ибо многообразие художественных средств находится в зависимости от многообразия окружающего нас мира, а индивидуальность художника ищет собственные тому созвучия.

Вот почему хотелось бы просить нашего читателя-зрителя всмотреться в помещенные здесь репродукции свободным и непредвзятым взглядом. Тогда можно увидеть, например, что художников «Мира искусства» роднит любовь ко всему изящному, утонченному, сочетающемуся с изысканностью формы, а мастерам объединения «Голубая роза» свойственно увлечение искусством Востока, где главное составляет подчеркнутая условность формы, декоративная контрастность цвета, в то время как участники группы «Бубновый валет» противопоставляют тем и другим свое видение мира, в котором их жизненные ощущения сочетаются с освоением традиции русского народного искусства, лубком, вывеской... И быть может, к последним нелишним будет отзыв признанного знатока — Александра Бенуа: «Я не знаю в современной западной живописи чего-либо более здорового, свежего, простого и в то же время декоративного, нежели их натюрморты...»

Подобными отзывами можно, конечно, продолжить подступы к разговору о натюрморте и его мастерах, что мы и сделаем в последующих материалах после обработки ваших, читатель, ответов на продолжаемую в этом номере анкету.

Пожалуйста, ответьте: какие работы понравились вам больше, какие меньше, что вы принимаете, с чем не согласны и почему. Прежде чем ответить на каждый вопрос, прочтите все варианты предлагаемых ответов.

В каждом вопросе подчеркните один вариант ответа.

Мы сознательно опустили названия работ, имена авторов (они будут опубликованы позже), потому что, надеемся, среди вас найдутся знатоки, которые сами поставят подписи под репродукциями. Подчеркиваем, это отдельное задание. При заполнении анкеты не обязательно указывать названия работ. Тех, кто правильно назовет наибольшее число представленных в этом номере картин и их авторов, ждут специальные призы «Смены».

Заполненную анкету аккуратно вырежьте, вложите в конверт и отправьте по адресу: 101457, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14, редакция журнала «Смена».

Учитываются анкеты, отправленные не позднее 1 июня.
Ждем ваших писем!

1) Какие из представленных произведений вам нравятся больше, какие — меньше? Расставьте все работы по номерам в порядке предпочтения от большего к меньшему.

1. _____	7. _____
2. _____	8. _____
3. _____	9. _____
4. _____	10. _____
5. _____	11. _____
6. _____	12. _____

2) Объясните причины выбора трех наиболее понравившихся.

3) Назовите имена трех современных художников (советских или зарубежных), чье творчество привлекает вас.

4) Считаете ли вы себя достаточно эстетически подготовленным зрителем? Да. Нет.

5) Когда вы последний раз были в картинной галерее (музее)?
— никогда не был;
— лет десять назад;
— несколько лет назад;
— приблизительно год назад;
— месяц назад или меньше.

6) Возникало ли у вас желание приобрести современные произведения?
— никогда не задумывался об этом;
— не знал, что это возможно;
— то, что я бы купил, должно висеть в музее;
— не знаю, сколько может стоить понравившееся произведение, смогу ли я заплатить за него;
— мне редко что нравится;
— есть много произведений, которые бы я непременно купил, но я не знаю, как это сделать;
— на приобретение произведений искусства не хватает денег.

Сообщите некоторые сведения о себе, подчеркнув необходимое.

- 7) Ваш пол?
— мужской;
— женский.
- 8) Возраст
до 16
17—20
21—25
26—30
31—35
36—60
61 и старше.
- 9) Где вы живете?
— в Москве, Ленинграде;
— в городе с населением свыше 1 млн.;
— в городе с населением от 500 тыс. до 1 млн.;
— в городе с населением от 100 тыс. до 500 тыс.;
— в городе с населением от 10 до 100 тыс.;
— в сельской местности.

10) Мнения художников и искусствоведов о современном искусстве часто расходятся с оценками зрителей. Чем вы это объясняете?
— зрители недостаточно эстетически подготовлены;
— в нашем веке художники утратили необходимые для подлинного искусства реализм, пространственную глубину и четкость очертаний;
— зрители больше интересуются сюжетом произведений, а художники и искусствоведы — образным языком;
— искусство во все времена опережало ожидания публики;
— истинное искусство понятно всем;
— зрители большей частью судят по законам классического искусства, а художники постоянно стремятся выдвинуть новые критерии.
Заранее благодарим вас!

ЕЩЕ РАЗ ПРО ЛОЖЬ НА ДУШУ НАСЕЛЕНИЯ

Окончание. Начало на 2-й стр.

Грустно, что в одурачивании граждан принимают участие врачи. А я холодею от сознания, что мой ребенок может родиться без ушных раковин...

Интересно, на какой планете живет тов. Касьяненко, утверждающий, что «...с послевоенного периода уровни загрязнения атмосферы воздуха и водоемов не возросли, а наоборот, снизились в десятки раз» (выделено мной. — А. П.)...

Впрочем, что я пристал к Касьяненко? Ведь он отвечает: «...позволило снизить содержание пыли в небе Запорожья в 2—2,5 раза». Ответ постороннего. Он видит за своими словами не мальчика с лягушачьей лапкой вместо ручонки, не трагедию жителей индустриального центра, а редакцию, которой положено давать ответ. Однако, прежде чем простимся с главным санитарным врачом УССР, обратим внимание на последний абзац его письма. Прочли? Вот ведь как: его заместитель А. Мухарский предстает перед нами дисциплинированным исполнителем, эдаким «солдатом при исполнении», благодаря усилиям которого «указанные данные о состоянии здоровья трудящихся своевременно отправлялись в директивные органы».

Винтики, как положено, ввинчивались и развивались отдельно от сути происходящего. «А если что не так, не наше дело, как говорится, Родина велела». Булат Окуджава написал эти слова к песенке солдата-наемника. Увы, существуют наемники всех профессий. Ложь — их эполеты.

И еще я подумал, что письмо А. Касьяненко содержит элементы социальной программы. Так вот, лично я за такого кандидата в народные депутаты голоса бы не отдал. Разумеется, если бы дело дошло до выборов. Зато за женщину, бросившуюся под гусеницы бульдозера на окраине Екатериновки, голосовал бы с охотой. Давайте поможем ей подняться с земли. Тракторист вырубил движок. Светит осеннее солнце. Ниточки паутины цепляются за длинноногие астры. Войны нет. Танки из-за поворота на Царичанку не появляются. Что же заставило женщину riskовать жизнью? До какого невыносимого предела отчаяния нужно было дойти, чтобы поступить подобным образом?

— Та хибя можна пид викна моих онукив сортир ставити!

«Сортир» — это очистные сооружения, которые благодаря стараниям директора птицефабрики И. Василенко спланировали впритык с хатами. Задумавшись, чем отличается скромный сельский «сортир» от восемнадцати тысяч труб промышленных предприятий Запорожья, которые гадят в миллионном городе? В принципе разницы нет. Лишь масштаб разный. Можно поставить вопрос и иначе: чем отличается смердящая заводская труба от камерной парашы? Только размерами. Индустрия, строящаяся по принципу современных удобств, имеет четкую выраженный гулаговский оттенок: как и социализм, осуществленный Сталиным.

Фундамент индустрии — черная металлургия. Заместитель министра Л. Радюкевич прав, когда пишет: «...начиная с первых пятилеток, черная металлургия, да и вся тяжелая индустрия в г. Запорожье, развивалась без учета экологических последствий, и это привело к тому, что промышленные пред-

приятия оказались рядом с жилыми массивами, а уровень загрязнения воздушного бассейна значительно превышает санитарные нормы».

Тезисы замминистра приемлемы как перекресток, на котором нас застала перестройка. Так куда же идти дальше? От руководителя такого ранга, как Л. Радюкевич, мне хотелось бы получить ясный ответ на принципиальный вопрос, насколько необходимым стране металл «Запорожстали»? В статье он был задан не случайно. Не случайно, думается, и обойден ответом.

Диктат производителя привел ведомства к самодовольному их развитию, оттесняя государственные интересы на второй план. Так сложились звенья дефицитной экономики, которая производит большое количество излишней продукции из того же металла. Мы выпускаем в 4,3 раза больше тракторов, чем США, при меньших объемах продукции растениеводства. В то же время в расчете на каждый трактор производится в два раза меньше навесных и прицепных орудий, от которых зависит судьба урожая. Вроде бы понятно, что такое количество железных коней не нужно. И тем не менее их производят и навязывают хозяйству! Подобная картина — с выпуском комбайнов, станков, грузовых автомобилей... А все это металл и много металла «Запорожстали».

Но вот агропромышленные объединения перешли на хозрасчет и самофинансирование. Теперь они покупают средства производства за свои кровные. Картина обнаружилась впечатляющая. В минувшем году, например, колхозы и совхозы заказали сельскохозяйственной техники на сотни миллионов рублей меньше, чем им распределялось раньше. Аналогичные изменения и в промышленности. Заводы и фабрики тоже освобождаются от ненужной им техники, учатся считать. Между тем черная металлургия продолжает лить металл.

Меня, в частности, интересует место реконструкции «Запорожстали» в перестройке всего хозяйственного механизма. Куда потечет река металла: в сторону его омертвления, где и так уже ежегодно образуется море из миллионов тонн стали, или гипертрофированное развитие черной металлургии, наконец, прекратится? (А ведь США производят стали вдвое меньше при куда как большем объеме конечной продукции!) И не только мне это важно — любому металлургу. Важно знать: какому делу/службе — обновлению или застою, прикрывающемуся революционной фразой.

Допустим, я рабочий-металлург. Понимаю, что выходки Минчермета во многом определяются моим положением на производстве. Лишь на словах я его хозяин. Моя экономическая свобода равна нулю, поскольку средства производства мне не принадлежат, ими распоряжаются верха, это их собственность, я напрямую в прибылях не участвую. Мое положение прекрасно выражает афоризм: «Тенденция осуждать прибыль проистекает из средневекового воззрения, согласно которому прибыль одного человека означает убыток для другого». Так вот, если я стараюсь заработать себе копейку, то мой начальник из министерства полагает, что я это делаю за его счет. Там, где нет личной заинтересованности, о хозяине говорить трудно, равно как и о заинтересованности хорошо трудиться.

Отчего же все так нелепо получается? Может быть, причины в том, что товарно-денежные отношения в обществе только начали набирать силу? Или в том, что мой труд оценивает не рынок, а опять-таки вышестоящий начальник? «Запорожсталь» — предприятие прибыльное. Но мне от прибыли остаются рожки да ножки. Ее забирает министерство. Оттого и тысячные очереди на жилье, и плохой социальбыт, и ничтожные очистные сооружения. Посмотрите, после того как общественность забила тревогу, товарищ замминистра отстегнул от своих щедрот более ста миллионов. Красиво? Но ведь те миллионы мною и моими

товарищами заработаны, нам бы самим и распорядиться прибылью. Вроде и закон о социалистическом предприятии существует, да он пока как дышло: куда повернешь, туда и выйдет.

Слов нет, перестройка — процесс сложнейший, но мне представляется, что успех ее будет тем значительнее и необратимее, чем быстрее утвердится на заводе хозяин, на земле — крестьянин. Только с ним, а не с наемными рабочими можно решать все проблемы.

А мы подзабыли Любовь Григорьевну, что из Екатериновки. Вернемся в ее хату. Я был там зимой. Падал пушистый снег, пахло сосной, яблоками-семирками, щебетали внуки. Пришла и Александра Ивановна Шумейко. Это она, надев на кофточку два ордена Ленина, поднялась на трибуну колхозного собрания и, несмотря на ярое противодействие президиума, зачитала меморандум, требовавший прекратить строительство очистных сооружений под хат. Случилось то, что и должно было случиться, — президиум из местного и областного начальства опешил: столько лет безропотные, жители вдруг взбунтовались. Причем дебаты шли по самому главному вопросу: решение правления, а точнее — председателя колхоза И. Шеремета о выделении колхозной земли под очистные сооружения считать незаконным. Что там было, вам и представить трудно. Милицейский чин даже карами грозил. Однако Екатерина сплотилась воедино, защищая свое право хозяина распоряжаться землей, разумея, что можно, а чего нельзя на ней строить. Собравшиеся на заседании у Любы Григорьевны односельчане спешили поделиться со мной деталями собрания.

— Петро, ты про того, який нас стращав розправой.

— Та ни, як вони з нас знущались...

— Та ни, як мы их переборолы...

Я слушал и думал, а ведь на самом деле переборолы бабушки и дедушки. Исполком местного Совета принял решение прекратить строить «сортир». Так бы и Запорожскому горисполкому стоять на своем.

...Дорога вела меня обратно в Днепрпетровск. На той дороге надеждой стояли гнезда аистов. Они сюда, конечно же, прилетят в марте. Дети, аисты, прозрачный лед речки Орели. Ради этого я бы и сам бросился под бульдозер. Но разве от этого легче?

Минчерметовский социализм, скооперированный с химическим, оборонным, минводхозовским, госатомэнергохимическим и еще доброй сотней ведомственных социализмов, засел в тылу перестройки, управляя заговором заводских труб. Заговором, направленным на грабеж всенародного достоинства — здоровья нации.

ОТ РЕДАКЦИИ. Мы до сих пор не получили ответ на публикацию статьи «Ложь на душу населения» от Академии наук СССР. Хотя, как вы помните, журнал обращался лично к Г. И. Марчуку, учитывая важность и актуальность проблемы. Но, видимо, уважаемый президент Академии считает ее настолько мелкой (подумаешь, всего миллион жителей в Запорожье!), что не счел возможным ответить редакции. Похоже, в Академии наук действительно считают, что экологических проблем в Запорожье не существует. Иначе чем объяснить молчание Академии, несмотря на наши неоднократные обращения к помощникам Г. И. Марчука?

Первый секретарь Запорожского ГК КП Украины П. Ванат проинформировал нас о том, что город готов выделить средства на научную экспертизу «Проекта экологии» Александра Нагорного, город ждет... Дело за Академией наук. Не исключено, что перспективность проекта не подтвердится. Что ж, отрицательный результат — тоже результат.

Так в чем же причины молчания академика Марчука?

БРЕЖНЕВ

Продолжение. Начало на 6-й стр.

оценку. Приведенные им цитаты не нуждались в комментариях, и при повторном голосовании кандидатура Трапезникова была вновь провалена большинством голосов. Вся эта история получила огласку, и некоторые из членов Политбюро предложили освободить Трапезникова от должности заведующего отделом ЦК. Обсуждался даже вопрос о назначении Трапезникова министром просвещения, но против этого решительно высказался Косыгин. Вопрос был отложен, и в конце концов Брежневу удалось отстоять своего любимца. Трапезников, правда, уже не смог продвинуться вперед в своей карьере, но он оставался заведующим отделом до 1983 г., и только Ю. В. Андропов отправил этого графомана на пенсию.

Уже на XXIII съезде чувствовалось, что дирижерская палочка находится в руках Суслова. Именно к нему обращались в конце 60-х годов работники аппарата для разрешения спорных вопросов. Также и Брежнев не предпринимал никаких инициатив, не согласовывая их прежде всего с Сусловым. Это обстоятельство раздражало окружение Брежнева, которое состояло в основном из его старых друзей, соратников по Днепрпетровску и Молдавии, и некоторых вновь обретенных друзей и помощников. Они хотели придать Брежневу большую самостоятельность в решении идеологических, политических и внешнеполитических проблем. Но поскольку Брежнев по своей нерешительности и некомпетентности опасался принимать самостоятельные решения, это означало бы увеличение роли его аппарата. Перелом в отношениях между Брежневым и Сусловым наступил в декабре 1969 года. По традиции в конце каждого года собирался Пленум ЦК КПСС, который в преддверии сессии Верховного Совета СССР обсуждал итоги уходящего года и основные директивы к плану на предстоящий год. В качестве докладчика выступал обычно Председатель Совета Министров СССР, после чего происходили краткие прения. Но на декабрьском Пленуме 1969 г. вскоре после доклада о большой речи по проблемам управления и развития народного хозяйства выступил Брежнев. Эта речь содержала крайне резкую критику в адрес органов хозяйственного управления, оратор очень откровенно говорил о плохом состоянии дел в советской экономике. Эта речь была подготовлена в личном секретариате Брежнева. Разумеется, Брежнев в данном случае не являлся докладчиком, он выступал в прениях и мог поэтому, казалось бы, свободно высказывать свое личное мнение. Однако он был не рядовым оратором, а лидером партии, и его речь, которая была на следующий день опубликована, воспринималась как директивная. Необычная самостоятельность Брежнева не только удивила, но и обеспокоила многих членов Политбюро, которые опасались, что увеличение влияния и власти Брежнева не только уменьшит их влияние, но и нарушит ту «стабильность» в кадрах, к которой все начинали привыкать. Естественно, что больше других был недоволен Суслов, с которым Брежнев не нашел нужным проконсультироваться. Выступить в одиночку против Брежнева Суслов не решился. Он подготовил специальную «записку» для членов Политбюро и ЦК, которую подписали также А. Шелепин и К. Мазуров. В этой записке подвергалась критике речь Брежнева как политически ошибочное выступление, в котором все внимание было якобы сосредоточено на негативных явлениях и в котором оратор ничего почти не сказал о тех

путях, с помощью которых можно и нужно исправить недостатки и пороки в народном хозяйстве. Возникший спор предполагалось обсудить на предстоящем мартовском Пленуме ЦК КПСС в 1970 г. Брежнев был также обеспокоен возникшей в кругах ЦК оппозицией и не желал доводить дело до обсуждения на Пленуме ЦК. По совету своих помощников он предпринял необычный по тем временам шаг: отложил на неопределенный срок Пленум ЦК КПСС и выехал в Белоруссию, где в это время проводились большие маневры Советской Армии, которыми руководил лично министр обороны А. Гречко. Никто из членов Политбюро не сопровождал Брежнева, с ним в Белоруссию отправились только некоторые наиболее доверенные помощники. В Белоруссии Брежнев провел несколько дней, совещаясь не только с Гречко, но и с другими маршалами и генералами. Этот независимый и неожиданный визит Брежнева на военные маневры произвел немалое впечатление на членов Политбюро. Они видели теперь нового, более самостоятельного и независимого Брежнева. Никто не знал содержания бесед Брежнева с Гречко и маршалами, да и Брежнев не был обязан в данном случае отчитываться перед членами Политбюро, не входившими в Совет Обороны. Однако было очевидно, что военные лидеры обещали Брежневу полную поддержку в случае возможных осложнений. Вскоре стало известно, что Суслов, Шелепин и Мазуров «отозвали» свою записку и она нигде не обсуждалась. По возвращении Брежнева в Москву Суслов первым выразил ему свою полную лояльность. Весь аппарат печатной и устной пропаганды, а также весь подведомственный Суслову идеологический аппарат быстро перестроился на восхваление «великого ленинца» и «выдающегося борца за мир» Брежнева, который становился отныне не только руководителем, но и неоспоримым лидером, «вождем» партии и фактически главой государства. Перед праздниками и некоторыми крупными торжествами на площадях и главных улицах Москвы и других городов вывешивались обычно портреты всех членов Политбюро. Так было и перед 1-м Мая 1970 г. Но теперь повсюду появились огромные портреты и одного Брежнева, большие плакаты с цитатами из его речей и докладов. Изображение Брежнева давалось во многих случаях более крупным, чем других членов Политбюро. Газеты почти ежедневно публиковали его фотографии. Передовые статьи в газетах и журналах по общественным наукам почти всегда включали цитаты из «произведений» Брежнева. Масштабы всей этой начавшейся с весны 1970 г. пропагандистской кампании по укреплению и утверждению авторитета «вождя» партии намного превосходили все то, что делалось во времена Хрущева.

Поведение Брежнева после 1970 г. изменилось, что было сразу замечено западными политиками. Вспоминая о своих первых встречах с Брежневым, В. Брандт писал: «Существует ряд взаимоотношений, из которых я почувствовал, какие изменения произошли в положении моего визави. Прежде всего вряд ли можно было более наглядно продемонстрировать его статус в качестве доминирующего члена советского руководства, ...он обнаруживал величайшую самоуверенность, когда обсуждал международные дела».

Речь идет о начале 70-х годов, когда Брежнев на самом деле обнаруживал «величайшую самоуверенность» при обсуждении международных проблем и, не будучи еще формальным главой государства, ставил свою подпись на важнейших договорах с западными

странами, хотя это и не отвечало общепринятым протокольным нормам. Но быть самоуверенным — это еще не значит быть мудрым или даже обладать сильным характером. Еще в те годы Брежнев нередко терялся, встречая не менее самоуверенного, но более умелого и опытного политика. При таких встречах Брежнев постоянно испытывал чувство неполноценности, так как он потом расспрашивал своих помощников — какое он, Брежнев, производил впечатление. Весьма сомнительно, что он получал от них правдивые и точные ответы. Когда один из референтов Брежнева в 1972 г. в осторожной форме высказал своему шефу некоторые критические замечания и советы, Брежнев был явно раздосадован и вскоре удалил этого референта из своего окружения. К тому же первый инсульт зимой 1976 г. отразился не только на координации движений, на речи, но и на интеллекте Брежнева. В этом могли убедиться как Гельмут Шмидт, так и Джими Картер. Когда в 1979 г. в рамках венских переговоров по ОСВ-2 должна была состояться встреча двух президентов с глазу на глаз, то есть в присутствии лишь переводчиков, Картер не мог вести с Брежневым серьезного политического разговора и должен был обращаться с ним не как с «самоуверенным» политиком, а, скорее, как с вызывающим сочувствие больным ребенком.

ОТНОШЕНИЕ К РАБОТЕ

Из политического темперамента Брежнева вытекал и его стиль работы в качестве главы партии и государства. Брежнев вполне добросовестно относился к своим обязанностям, но он не очень любил перегружать себя работой. Конечно, временами ему приходилось работать очень напряженно, но как только он стал главной фигурой в Политбюро, его рабочий день не увеличился, но, напротив, стал уменьшаться. Он никогда не стремился держать в своих руках все нити управления даже самыми важными делами и тем более не брался решать такие дела, которые могли и должны были решать работники более низкого ранга. Он не вникал в детали конструкции новых танков или самолетов, артиллерийских орудий или проектов плотин, как это делал Сталин. Он не вмешивался в агрономические вопросы сельскохозяйственного производства или типового проектирования жилых домов, как это делал Хрущев. Он отказался принять Шолохова, чтобы выслушать претензии писателя к газете «Правда». По мнению Брежнева, каждый руководитель должен в своей сфере нести всю долю ответственности. Можно сказать, что это было совершенно правильным отношением к обязанностям главы партии и государства. Недостаток Брежнева состоял, однако, в том, что он при этом не слишком тщательно контролировал своих помощников и подчиненных, перепоручая им нередко и те дела, которые эффективно может выполнить только лично глава партии и государства. Обычно спокойного и даже нерешительного Брежнева не боялись не только его коллеги из Политбюро, но и рядовые работники аппарата. При Брежневе каждый из секретарей обкомов или министерств был более самостоятелен в своих действиях, чем при Хрущеве или Сталине. В сочетании с курсом на «стабильность» кадров это давало им большую власть в своих учреждениях или на подведомственных территориях. Можно сказать поэтому, что в эпоху Брежнева ослабла слишком жесткая централизация партийного и государственного аппарата. Иногда это шло только на пользу, но часто и во вред государству и населению. Мы имеем в виду не только рост местнических или ведомственных настроений, но также прямое злоупотребление властью и коррупцию.

Некоторая децентрализация сочеталась в последние 15—20 лет с ростом

численности и полномочий различного рода центральных учреждений. Бюрократическая машина не уменьшалась, а возрастала при Брежневе, работая при этом не лучше, а хуже, чем ранее. Руководимый Брежневым партийный аппарат старался скорее воспрепятствовать, чем помочь развитию разумной самостоятельности хозяйственных органов. Это в первую очередь шло на нет начатую Косыгиным экономическую реформу.

Из-за недостаточной активности и работоспособности Брежнева постоянно увеличивался и штат его личных помощников, секретарей, референтов, который постепенно превратился в большой и влиятельный аппарат, получивший официальное название Секретариата при Генеральном секретаре ЦК КПСС. Этот Секретариат действовал параллельно обычному рабочему аппарату ЦК, что только запутывало систему партийного руководства и порождало бюрократизм. Брежнев привык слишком полагаться на своих помощников и подчиненных и поэтому подал в чрезмерную зависимость от своего собственного окружения, состоящего из людей, далеко не одинаковых по своим деловым и моральным качествам. В результате Брежнев постепенно начинал жить в мире как созданных им самим, так и навязанных ему иллюзий. Практически он не общался с простыми людьми, не знал их жалоб и настроений. «Ходоки» из народа, которых часто принимал Ленин, не допускались к Брежневу. Правда, он регулярно посещал собрания ветеранов 18-й армии, в которой провел большую часть войны. Но здесь не было слишком откровенных бесед. «Как хорошо стали теперь жить советские люди!» — сказал Брежнев во время одной из последних встреч группы ветеранов, многие из которых приехали из городов, где в магазинах уже давно не было ни мяса, ни масла, ни сыра. Но ветераны не стали разубеждать Брежнева.

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КАРЬЕРЫ БРЕЖНЕВА ДО 1964 ГОДА

На свой первый ответственный пост в Днепрпетровском обкоме партии Брежнев был выдвинут в 1938 г., когда ему было около 32 лет. По тем временам карьера Брежнева была не из самых быстрых. Брежнев не был карьеристом, который пробивается вверх, расталкивая локтями других претендентов и предавая своих друзей. Он отличался уже тогда спокойствием, лояльностью к коллегам и начальству и не столько пробивался вперед сам, сколько его продвигали вперед другие. На самом первом этапе Брежнева продвигал вперед его друг по Днепрпетровскому металлургическому институту Грушевой, который был первым секретарем Днепрпетровского горкома партии. После войны Грушевой остался на политической работе в армии. Он умер в 1982 г. в чине генерал-полковника. Брежнев, присутствовавший на этих похоронах, неожиданно упал перед гробом своего друга, разразившись рыданиями. Этот эпизод для многих остался непонятым.

В годы войны у Брежнева не было сильной протекции, и он продвинулся мало. В начале войны ему было присвоено звание полковника, в конце войны он был генерал-майором, продвинувшись всего на один чин. Не баловали его и по части наград. К концу войны он имел два ордена Красного Знамени, орден Красной Звезды, орден Богдана Хмельницкого и две медали. По тем временам для генерала это было мало. Во время Парада Победы на Красной Площади, где генерал-майор Брежнев шел вместе с командующим во главе сводной колонны своего фронта, на его груди было гораздо меньше наград, чем у других генералов.

Продолжение в № 8.

О, БЛАГОУЖАННОЕ!

Нина ЧУГУНОВА
Фото Евгения СТЕЦКО

В октябре воздух по утрам был колючим и сильно пахло неизвестными цветами. Закат несравним ни с каким закатом, и то же было с восходом, будто поднесли огонь к натянутому тугому шелку.

На закате мы пытались снять монумент идеям Чучхе. Днем не получалось. Днем это было всего лишь грандиозное сооружение с искус-

ственным факелом на вершине. Поднявшись лифтом, устроенным внутри монумента, вместе с нарядной девушкой, назубок знающей, сколько символического смысла заключено в количестве камней, использованных при строительстве, и как это связано со знаменательными датами, мы увидели гигантский стеклянный кулак над нашими головами и мертвых птиц на парашюте.

Ночью пламя факела могуче плескалось над городом.

(«Я сам!» — вот смысл, вот пламя идей Чучхе. Развитие, опирающееся исключительно на собственные силы, на собственные ресурсы, собственный разум, — эта задача одновременно благородна и трагична.)

Микрорайон Кванбок — главный строительный объект XIII Всемирного фестиваля молодежи и студентов — в те дни работа здесь началась, а можно сказать, была в самом разгаре, ибо для того, чтобы завершить такое строительство, требовалось взять сразу невиданный темп.

Юноши и девушки, гости фестиваля, вы увидите новенький микрорайон, размещившийся на гигантской площади. Здесь, на юго-западе Пхеньяна, вас примут спортивная деревня, спортивные дворцы, модернизированный Дворец школьников и новый, тоже модернизированный цирк. Вы поселитесь в очень хорошей молодежной гостинице, а в парковой зоне на острове Янкак международный кинотеатр распахнет перед

вами двери. В восточном Пхеньяне откроется Молодежный театр и Восточнопхеньянский Большой театр. По обе стороны шестикилометровой главной магистрали шириной в сто метров протянется ряд жилых домов высотой от восьми до сорока двух этажей... Всего на два года была рассчитана эта работа, причем одновременно осваивались солончаки, велось строительство Сучхонского виналового объединения и Тхэчхонской электростанции.

Это вы увидите въезжая и по телевизору, в газетах и журналах.

А вот что увидели мы.

На поворотах автострады то и дело встречались, как громадные открытки, красочные панно, изображающие руководителя народа, окруженного радостной толпой людей. Мы оставляли город, щедро украшенный статуями руководителя. В отутюженном костюме полувоенного покроя, бронзовый, улыбающийся, он как бы шагал по городу. Два гигантских ребенка обычно льнули к нему...

Кванбок выскочил из-за поворота, смяв открытки, и открыточное небо благоуханного утра забилось пылью.

Мы увидели стройку — торжество энтузиазма и ручного труда. Людей чрезвычайно много. Они облепили высотные здания от фундамента до крыши. Они кажутся крошечными сравнительно с домами и особенно рядом с плакатами.

— Что там написано? — спрашивала я нашего гида и переводчика Пака.

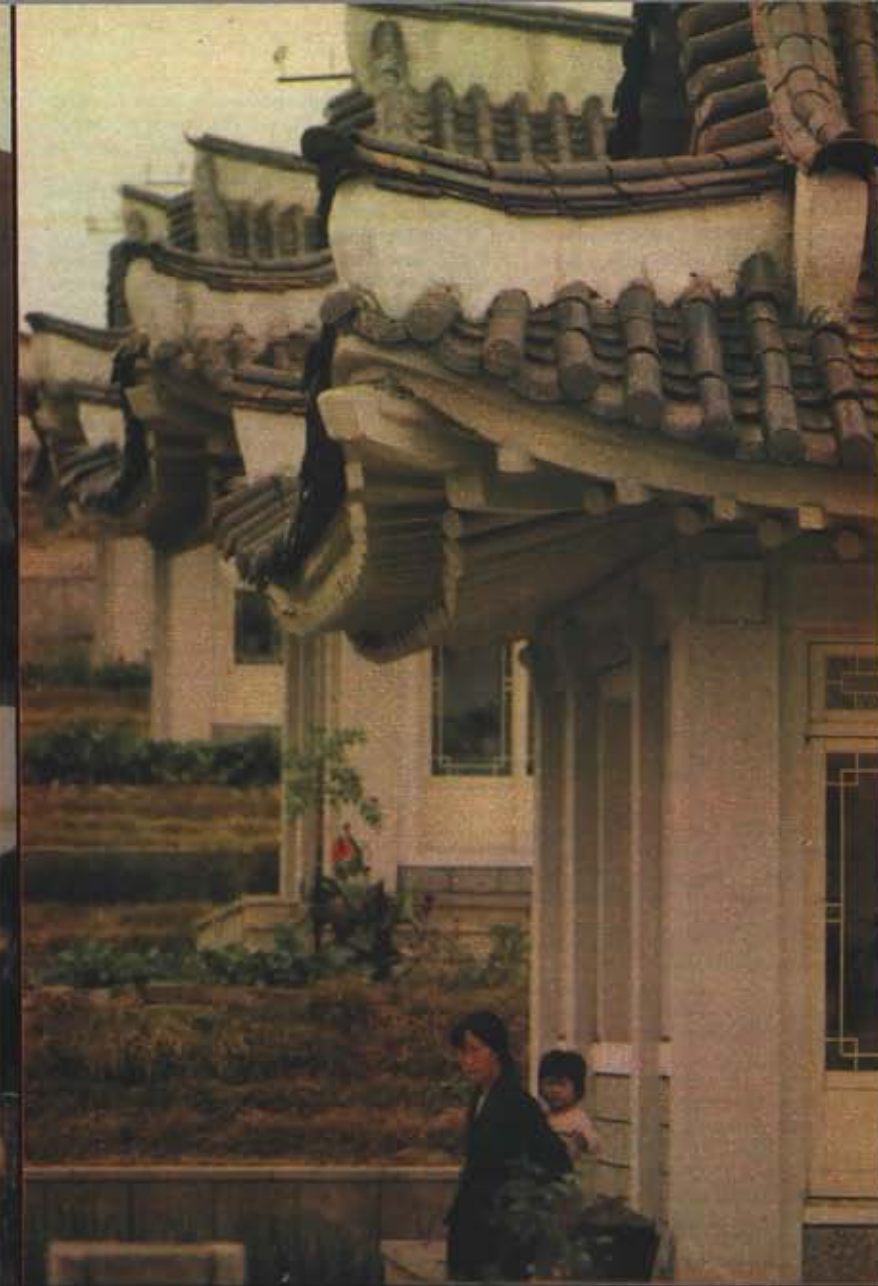
спешно катит машина с громкоговорителем, летят сладкая, нежная мелодия, слегка напоминающая наши лирические мелодии пятидесятых годов. Пак объяснил, что влияние музыки на работоспособность человека замечено не так давно при следующих обстоятельствах. Годовой план оказался под угрозой срыва. Тогда были срочно созданы группы пропагандистов, снабженные машинами с громкоговорителями. Не потребовалось никаких иных действий и затрат — план года был перевыполнен. Пак повторяет: идея принадлежит любимому руководителю корейского народа товарищу Ким Чен Иру, сыну великого вождя.

Восемнадцать миллионов квадратных метров — такова строительная площадка Кванбока. Люди строят день и ночь, приезжают сюда после своего рабочего дня. Студенты сформированы в ударные отряды. Так было не раз в истории республики: «группы трех революций» строили дорогу в Рёнсон и «осуществляли требования чуждейских методов земледелия», строили Тэнонсанскую парковую зону. Еще раньше, в 1957 году, студентов университета мобилизовали на строительство столицы...

Заведующий сектором международного отдела Корейского Национального подготовительного комитета Хван Сок Мин при встрече с нами затруднился назвать число участвующих в строительстве фестивальных объектов. Я думаю, что в этом случае известное и у нас выражение «строит вся страна» следует понимать буквально.

Мы вошли в легкоатлетический манеж. Монтажники работали под куполом. Девушка в зеленом пиджачке

УТРО!...

Разноэтажный Пхеньян.

Фестиваль — всенародная стройка.

Учиться у революции...

Здесь снимается кино.

Образцовая деревня Намли.

Плانتации женьшеня в Кэсоне.

— Написано, что человек выполнял и перевыполнял план тайком.

Это было непонятно, странно. Пак объяснил, что плакат призывает к бесконтрольному ударному труду. «Надо быть скромным».

Толпы молодых людей работали лопатами. Похоже было, что они собирались разровнять холм, оказавшийся на пути улицы. Разравнивают так: на троих одна лопата, один копает, двое других, взявшись за веревки, помогают, подтягивают. Лица улыбающиеся, бодрые. Мимо не

стояла у плаката с кистью и баночкой краски. Мы подошли к ней, несмотря на явное замешательство Пака. Она улыбнулась, слушая перевод Пака, кивнула головой. Да, она готова рассказать о себе. Она приехала из провинции, услышав призыв к молодежи поработать на строительстве фестивальных объектов. Тогда был январь, холодно. Ее спросили, что она может делать. Она перечислила, добавив: «еще рисую». С того дня она пишет плакаты. Это не просто. В день надо изготовить

ОБЕЖДАЮТ ГЕРОИ...

о том, что в забоях нет бачков для воды. Администрация была в бешенстве, но бачки поставили.

— Евгений Иванович, видимо, эти юношеские путешествия и явились толчком к более серьезным путешествиям, когда вы стали уже штатным журналистом? И вообще как началась ваша журналистская деятельность?

— После того как я сбежал с шахты, чтобы со мной не расправились за те критические выступления, я еще помогался в одиночку по разным городам, а потом вернулся домой и пошел учиться в пединститут. Окончил литературно-лингвистический факультет, преподавал в школе в Богородске обществоведение и русский язык, но половина времени уходила на то, что я писал какие-то бесконечные заметки в газеты, короче, меня «прорвало». Однажды меня вызвали телеграммой в Нижний Новгород в крайком партии, и там я от самого Жданова узнал, что назначен заведующим отделом информации газеты «Ленинская смена». Править рукописи, конечно, я не умел, но у меня хватило ума пойти в типографию и посмот்реть, как это делается. Став штатным журналистом, развил бурную деятельность, мне было все интересно, и я таскался по области пешком, на лошадах, на лодках. Вскоре судьба распорядилась, чтобы я стал редактором первой в стране динамовской газеты «Динамо-вец начеку». Это был 1932 год, автозавод начинали строить.

— А когда вы познакомились с Горьким?

— Вот как раз в это время. Приближался юбилей Горького, и мы в газете решили отметить это событие. Я пошел к руководству, сказал, что поскольку за Горьким охотилась охранка, значит, в архивах можно найти его «дела», и тогда я поехал бы к нему в Москву с этими «делами» и попросил бы статью. Разрешение дали, я отправился в острог и там получил кипу папок — «дела» на Горького. Я их все просмотрел, облился слезами и отправился с ними к Горькому. Был я молод, но очень умен, Горький мне все «вы» да «вы», а я ему — «ты, наш земляк». Он только улыбался. Потом говорю ему: «Алексей Максимович, вот какая штука: ты нам напиши статью, а я тебе привез подарок». Он прищурился, взял длинный мундштук, вставил папиросу, закурил и спрашивает: «А какой подарок?» Я полез в портфель, вынул одну папку, вторую. И Горький изменился в лице. Потом говорит: «Это же наблюдательные дела». Открыл папку — а там были перехваченные письма, записки, короче, вся его жизнь в тот период. Он перелистывал их, читал, и вдруг у него стали мокрые глаза. Он был потрясен таким подарком и сказал: «Конечно, я напишу для вас статью». Каждый день я ходил к нему, и это дало мне возможность видеть, как приезжали Бухарин, Зиновьев, Сталин, «странные люди», которые приходили

десятками к Горькому и несли ему ту самую «сермяжную правду» обо всем, что происходило в стране.

Алексей Максимович, конечно, написал статью, мы ее напечатали с моим предисловием о том, как я был у Горького, и потом это имело для меня последствия. Я пришел в «Правду», меня встретил Кольцов и сказал: «Слушай, ты настоящий парень, давай переходи в «Правду».

— Но ваша журналистская юность, я знаю, была долгое время связана с «Комсомолкой»...

— Да, в газете я занялся авиацией. Это была моя любимая тема. Я познакомился с А. С. Яковлевым, начинающим конструктором, Андреем Туполевым, заладил ездить в Долгопрудное в воздухоплавательный отряд, где летал на воздушных шарах, на дирижаблях...

— Летали и писали об этом?

— Конечно. Был на стартах первых наших стратостатов, а среди многих имен, о которых писал, особое место тогда занимали Громов, Чкалов и Коккинаки. Первая моя книжка так и называлась «Громов».

— А всего сколько вы написали?

— Книг 28, а еще сценарии к 59 кинофильмам — научно-популярным и документальным.

— В чем была незаурядность этих людей?

— Громов произвел на меня впечатление выдержкой, организованностью, точностью. А Чкалов потряс своей русской удалой: любил плясать так плясать, летать так летать. Когда он брал меня на испытания самолетов, я, стоя на летном поле, поражался, что он оставался жив после очередного пикирования. Еще один человек оставил в моей жизни глубокий след — Евгений Федоров, паланинец, впоследствии академик, Герой Советского Союза. В школе мы сидели с ним на одной парте, и это он заразил меня любовью к странствиям, стремлением познать неведомое: а что там, за горизонтом, во льдах, в небе?

— Евгений Иванович, все знают, что именно вы «открыли» знаменитого героя-пограничника Никиту Карачюпу. Это было трудно?

— Меня «навел» на Карачюпу маршал Блюхер, который командовал Дальневосточным округом. Это он посоветовал мне поехать на заставу, послушать там, и после этого я написал большой очерк о Карачюпе в «Комсомолке», а потом и книгу. Это был действительно герой: ведь он задержал четвереста шестьдесят четыре нарушителя границы и уничтожил сто двадцать одного. Для журналистики и литературы произошло нечто удивительное: «в Карачюпу» стали играть дети, его именем называли пионерские отряды. Он стал народным героем. Почему? Потому что это был не выдуманный герой, а реальный. Вот что имело значение.

Потрясла меня встреча с К. Э. Циол-

ковским. Я, мальчишка из «Комсомолки», приехал к нему, и он мне рассказывал о космосе, о будущих летательных аппаратах, рассказывал, понимая, что агитирует и вовлекает в звездное небо нашу молодежь. По записке Циолковского я попал в ГИРД, куда не глядя вали журналисты, и там впервые увидел С. П. Королева. Это мне потом дорого обошлось, но, пожалуй, сегодня об этом не стоит вспоминать.

— Евгений Иванович, в ваших словах ощущается зловещая тайна. А так как мы ведем речь о 35—37-м годах, то могу предположить, что и вы хлебнули сталинских репрессий...

— Да, 5 сентября 1937 года прямо на домашнем вечере, на котором были А. С. Яковлев и многие известные журналисты, меня арестовали.

— Что же вам инкриминировали — то, что вы писали о героях?

— Арестовали по элементарному доносу. Кому-то в редакции было завидно, что молодой журналист пишет о знаменитых людях, что в редакцию к нему приезжают Чкалов, Громов, Коккинаки. Поначалу мне пытались доказать, что я японский шпион — ведь я был на Дальнем Востоке у Блюхера. Потом, что я американский шпион, но тоже отпало — в Америке не был, языка английского не знаю. Тогда повезли в Суханово на расстрел: мол, сволочь, не признаешься, получи. Это так иногда тогда пугали.

— А что же редакция — не вступилась за вас?

— Полпредакции тогда уже тоже сидели. «Тройка» дала мне 5 лет, с Лубянки отправили на Беломорканал, оттуда перебросили в Воркуту, затем в Ухту, на Крутую, где я и встретился со своей будущей супругой. Она была там главным инженером завода — это и решило впоследствии мою судьбу.

— Вы были у нее на заводе зеком?

— Нет, я уже заканчивал свой срок и работал диспетчером. Как-то она поехала в Москву, зашла к Яковлеву, сказала ему обо мне, и он, встретившись в кабинете у Сталина с Завенягиным, тогда заместителем наркома внутренних дел, замолвил обо мне словечко. Сталин, слышавший их разговор, обронил: «Посмотрите», — и этого было достаточно, чтобы я вернулся в Москву.

— Есть у вас какое-то дело, которое вы мечтали осуществить, но так и не осуществили?

— Мне очень хотелось полететь в космос. Не удалось, нереально. Мне хотелось стать поэтом — я писал какие-то детские дурацкие стихи, не получилось. Хотелось стать летчиком, я окончил аэроклуб, получил пилотские права, стал парашютистом, но летчиком так и не стал. Думаю, это и хорошо — вряд ли из меня вышел бы замечательный летчик. Но то, что я летал, прыгал с парашютом, дало мне право на равных разговаривать с летчиками. И они это ценили.

— Что вы особенно цените в людях?

— Меня всю жизнь завораживали люди необыкновенной героической судьбы. И потому я интересовался такими областями человеческой деятельности, как космос, авиация, вулканология, подводная среда. И всегда я стремился первым об этом рассказать, именно первым. Полетел реактивный самолет — я стал добиваться, чтобы полететь на нем, и был первым пишущим человеком, которому довелось подняться в небо на ЯК-15. Затем был первый вертолет — я добился разрешения у Василия Сталина и первым из журналистов поднялся по веревочному тросу в вертолет, зависший над летным полем, и так же спустился. Потом был первый спутник, а вскоре в космос отправился Гагарин.

— Вы были лично знакомы с Юрием. Какое впечатление он на вас произвел, что вы особенно цените в нем?

— Гагарин — уникальный человек. Умный, скромный, с феноменальной памятью, простой, находчивый, очень доброжелательный человек, который до последних дней не утрачивал любопытства, всем интересовался — вот что очень важно.

— Огорчает вас нынешняя молодежь?

— Я много думаю о том, что собой представляет молодежь сегодня, вижу отрицательные ее черты — неверие, слабость души, стремление поклоняться року, сексу, вину. Но я вижу и ребят смелых, решительных, знающих, ищущих. Их, на мой взгляд, больше, чем первых. Короче говоря, налицо резкое расслоение молодежи. Огорчает и то, что пресса мало пишет о героическом в нашей жизни. А ведь Ленин еще во вторую годовщину Советской власти говорил, что мы накопили много героических людей. Так почему же «героями» наших сегодняшних публикаций стали рокеры, проститутки, наркоманы и всякая другая дрянь? Очень мало говорим и пишем о людях, у которых надо учиться, за которыми следует идти. Ведь это они — будущее страны, им стоять во главе перестройки и тех демократических процессов, которые сегодня происходят в нашем обществе.

— Ваш девиз?

— Искать, верить, постоянно думать, что там, за горизонтом, и знать, что побеждают и творят жизнь герои. Знать, верить и доказывать, что люди одержимые, люди героические, люди неистового труда, — они делают жизнь, а не нытики, не те, кто поклоняется богу горя и богу неверия.

— Евгений Иванович, спасибо за откровенную беседу. «Смена» горячо поздравляет Вас с 80-летним юбилеем и желает крепкого здоровья, неуязвимой молодости и кипучей энергии!

Вроде бы совсем недавно дребезжали стекла в маленьких клубах от электрогитар, в школах шла усиленная борьба против «битловских» причесок, а в подворотнях неумелые пальцы тысяч мальчишек осваивали на гитарных грифах рок-н-рольные «квадраты». Накопившиеся в нестриженных головах мысли вырывались на свободу в песенных манифестах новых глашатаев поколения — рок-певцов. Но даже в этом многоголосии всегда выделялось творчество «Машины времени», которой в этом году исполняется двадцать лет.

КОРРЕСПОНДЕНТ «Смены» Евгений ФЕДОРОВ беседует с руководителем «Машины времени» Андреем МАКАРЕВИЧЕМ.

амбразуру, в которой давно уже нет пулемета».

— В таком случае вопрос: отразилась ли гласность и демократизация на творчестве и жизни группы?

— На творчестве — нет, на жизни — безусловно: поездки за рубеж, телевидение, пластинки... Несколько увеличилась плата за работу. Но это я считаю частичной компенсацией за долгие годы унижений, которые испытывали артисты — и профессионалы, и непрофессионалы.

— Я знаю, что многих людей до боли волнуют заработки рок-музыкантов: они уверены, что даже в «застойные годы» рокеры сладко ели, вкусно пили, мягко спали. А теперь и вовсе миллионеры...

— Я как-то прочитал в «Советской России» письмо возмущенной читательницы из Тюменской области, которая перечисляет высокие гонорары музыкантов. Не знаю, где она взяла эти цифры... Даже не буду говорить о том, что пора бы отучиться считать чужие деньги, — пора начинать подсчет своих. Но могу с полной ответственностью сказать: меньше, чем в Советском Союзе, музыканты не получают ни в одной стране...

Действительно, несколько лет назад считалось, что «средний музыкант» не должен получать больше, чем «средний слесарь». (Может быть, поэтому у нас так много средних музыкантов и слесарей.) Но все дело в том, что сколько бы музыкант ни зарабатывал, он эти деньги зарабатывает, а не получает... У меня бы лично язык не повернулся спросить у артиста, который способен поднять настроение сразу 10 тысячам зрителей, сколько денег он за это имеет.

Что касается прошлых времен, то о деньгах говорить просто смешно: на протяжении 9 лет — где-то до 1987 года — музыканты из «Машины времени» и многих других ансамблей, собирая дворцы спорта и принося государству ежегодную прибыль в несколько миллионов, имели ставку за концерт 9—10 рублей. Причем эта ставка платится «за выход» — вне зависимости от того, работает ли артист на сцене полтора часа (как мы) или две минуты...

— Андрей, я знаю, что «Машина времени» гастролитовала в США. Какие впечатления вы привезли?

— Встречали нас хорошо. Но это отдельный разговор. Дело в том, что участники многих музыкальных коллективов, которые туда ездили выступать, довольно честно рассказывали о гастролях, за исключением одного: на каком, грубо говоря, уровне проходили их гастроли. Представьте себе американскую группу, которая приехала в Москву и дала два концерта — один, скажем, в красном уголке ДЗЗа № 1, другой — в красном уголке ДЗЗа № 2 — и с очень хорошими воспоминаниями о приеме вернулась в США. Вот с нашими группами происходит в Амери-

ке то же самое. Я не верю в триумфальное шествие советского рока по Штатам. Сейчас в свете американской эйфории по поводу перестройки мы можем там выступать в качестве экзотических музыкальных «блюдов» — это очень интересно для американцев, тем более что для них вообще характерен восторженный прием, особенно если они за это уже заплатили, — они просто не будут портить себе настроение.

— «Машина времени» пережила немало трудных времен: группу громили в прессе, запрещали концерты... Не посещала ли вас в те лихие годы мысль переселиться за океан, как это сделали некоторые рок-музыканты?

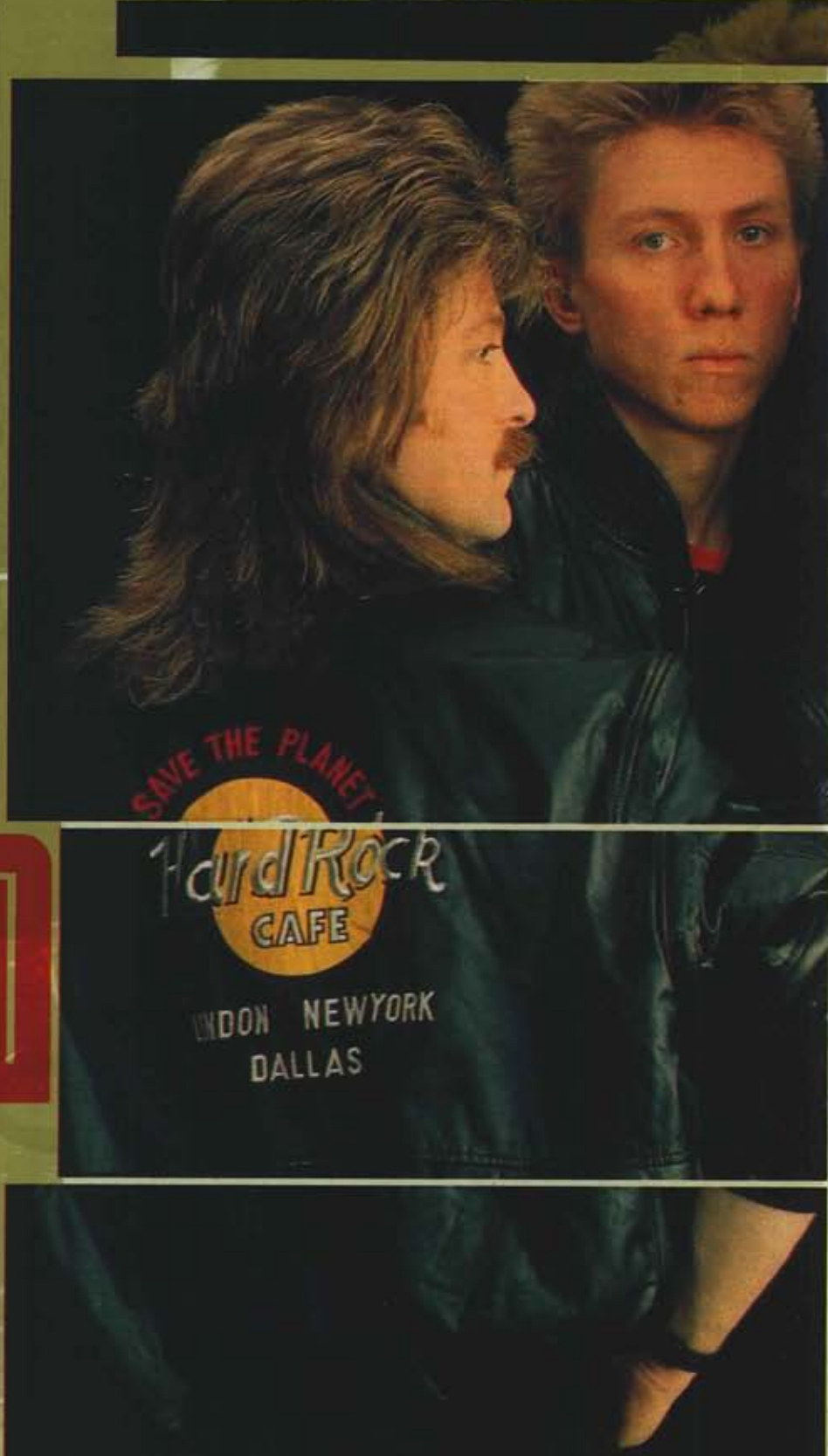
— Я не хочу разыгрывать из себя мученика эпохи застоя, тем более что это не будет полновесной правдой. Просто в конце семидесятых меня постоянно наталкивали на мысли об отъезде. Я видел, что вокруг творится, уезжали мои друзья...

— ...Какой смысл вы вкладываете в понятие «плохая группа»?

— Моя оценка сугубо субъективная, поэтому я не имею права судить тех или иных музыкантов с «высокой трибуны»... Но меня удивляет, когда, скажем, какая-нибудь телевизионная редакция вставляет в интересную передачу, трансляция которой идет на весь Союз, музыкальные номера очень слабых, неинтересных команд только потому, что у создателей программы либо нет музыкального материала, либо совсем плохо со вкусом.

— Есть мнение, что сегодня только «разоблачительные» песни могут быть популярны...

— Думаю, они уже не очень популярны, потому что все объелись «разоблачительной сатирой». У нас маятник общественного интереса никак не остановится в точке равновесия: его заносит то в одну сторону, то в другую. Очень верно по этому поводу сказал один мой старый приятель: «Сейчас подобное творчество напоминает бросание грудью на

"Машина

И я понимал, что нахожусь в такой же ситуации, что и они.

Масса людей, которые туда уехали в годы застоя и к родственникам, и просто так — я их видел, — нашли свое счастье, и оно заключалось в хорошем доме, хорошем автомобиле, красивой одежде, магазине, где круглый год клубника... Если это и есть счастье, то, наверное, надо ехать туда, тогда там лучше. Вся разница в том, что у них не хватило терпения, у меня, видимо, хватило. Так как то, чем я занимаюсь, для меня на первом месте, а все остальное на втором... А переделывать себя, то есть писать на английском языке об американских проблемах или развлекать эмигрантов, я не мог и не хотел. Да и просто есть масса любимых людей, любимых мест — почему я должен с этим навсегда прощаться? Другое дело — попробовать свои силы на новой территории и вернуться. Да и то все это для меня сомнительно. Я не считаю

себя универсальным музыкантом с какими-то данными, которые могут заинтересовать мировую аудиторию.

— Как вы относитесь к новым группам из Москвы, Ленинграда, Свердловска, которые завоевали во времена перестройки огромную популярность? Ведь существует мнение, что, скажем, «ДДТ», «Алиса», «Наутилус» и иже с ними — настоящий рок, а «Машина времени», «Динамик», «Секрет» и так далее — «попса»...

— Я отношусь ко всем рок-музыкантам хорошо, потому что они мои друзья и коллеги. А как я отношусь к тому, что они делают, — об этом я могу сказать им в личной беседе, но никак не с трибуны журнала — иначе это будет дурно пахнуть.

Что касается «внутренних противоречий» в рок-музыке, то, по-моему, это глупость, которую насаждают журналисты, искусственно разжигая страсти. Если, например, взять ситуацию пятнадцатилетней давности,

Машина времени

СМЕТА 89

Фото Евгения МАТВЕЕВА

то тогда существовала огромная пропасть между подпольными рок-группами и ВИА, и пойти поработать в вокально-инструментальный ансамбль называлось «продаться в рабство». (Но без отрицательных, презрительных интонаций.) Но даже тогда не было неприязни, конфронтации между музыкантами из двух «лагерей». Поэтому я считаю нынешний антагонизм искусственным и никому не нужным.

— В вашем репертуаре практически нет песен о любви. Почему?

— Мне всегда казалось, что если я что-то хочу сказать большой аудитории, то это гораздо серьезнее, нежели мои отношения с какой-то женщиной или несколькими женщинами. Мне непонятно, как можно с надрывом вещать о каких-то своих чувствах случайной аудитории. Это же очень личное...

— Не ощущаете ли вы некоторого снижения интереса к творчеству «Машины времени»?

— Как ни странно, но нашего слушателя вообще раздражает, когда кто-то долго привлекает к себе внимание. В других странах постоянный интерес вызывает только уважение. У нас же только и ждут, чтобы артисты ушли с большой сцены. Это можно сказать про многих творческих

ВРЕМЕНИ

долгожителю. Отношусь я к этому феномену спокойно, ибо никогда специально «на интерес» мы не работали, а старались сами оценить, насколько нам самим нравится то, что мы сделали. Пока что я имею право делать так, как считаю нужным. Так мне кажется. Если кому-то это не близко — ради бога, не принимайте.

— На мой взгляд, ваши последние песни — песни человека, живущего в гармонии с окружающим его миром и самим собой. Возможно, это некое проявление самоуспокоенности? Сытости?

— Насчет самоуспокоенности — модный вопрос. Но я никогда не разыгрывал из себя «мятущуюся личность», а «изображать» скандал только потому, что сейчас все можно, не хочу и не буду.

Лично я не вижу, что последние песни стали спокойней, чем прежние. Может быть, они стали серьезнее. Некоторые из них мне нравятся больше, другие — меньше, но было бы странно, если бы мы исполняли произведения, которые нам самим не нравятся вовсе... Все дело, видимо, в том, что от нас постоянно кто-то чего-то хочет: Министерство культуры — чтобы мы пели песни советских композиторов, журналисты — чтобы мы говорили то, что им нужно, а не то, что мы думаем, старые фаны — чтобы мы играли старые песни, «металлисты» — чтоб «металл». Но мы не хотим угождать... Мы никогда не метили в «звезды», не гнались за музыкальной модой. (Кто гонится — непременно отстает.) Поэтому мы были то позади моды, то впереди нее. Нужно просто делать свое дело, а когда работаешь специально на успех — тут он обычно и кончается.

— Какие метаморфозы претерпела «Машина времени» за последние два десятилетия?

— Кто-то когда-то написал, что в «Машине времени» часто менялся состав, — многие это «тонкое наблюдение» подхватили, не проверив... На самом деле — очень редко: за последние десять лет у нас сменился один музыкант (вместо Петра Подгородоцева за «клавиши» встал Александр Зайцев).

В 70-е годы мы много экспериментировали с духовыми инструментами, скрипкой, синтезаторами. Во многом это было вызвано тем, что электронные инструменты тех лет не могли дать нам тот звук, в котором мы нуждались... Что касается духовных метаморфоз, то, право, не знаю... Если бы у группы была некая «основная идея», то я бы ее быстро сформулировал, и «Машина времени» прекратила бы свое существование. Но мы просто поем о том, что видим, о чем думаем.

— Что вы могли бы пожелать молодым ребятам, которые сегодня взяли в руки гитары и решили похватить себя рок-н-роллу?

— Еще раз как следует подумать. Ко мне обращаются многие молодые люди, которые просто требуют помощи. Они глубоко убеждены, что без поддержки наверх не вылезти, — и это сейчас, когда выходи и играй! Я готов помогать, но есть помощь и помощь. Я не могу научить их играть лучше на гитарах или писать лучше песни — все это в их руках. Если группа действительно интересна, то ее непременно заметят и «раскрутят»... Это не идеализм — действительно очень мало хорошей музыки. И еще хочу пожелать тем начинающим рокерам, которые чувствуют за собой силу и талант и готовы идти до конца, несмотря ни на что, — чтобы это желание не иссякло у них никогда.

— Как у «Машин времени»?

— Да, хотя бы как у нас. Я очень рад, что и через двадцать лет еще столько осталось несказанного и неделанного. Это, по-моему, самое главное...

- Кто ответит за судьбу Елабуги?
- Как вырастить детей здоровыми?
- На БАМе все в порядке?
- Конкурс красоты: радость или оскорбление?

С удовлетворением прочитал статью В. Анисимова «Автогонка» (№ 21, 1988 год) и полностью согласен с автором. В свое время я с удовлетворением встретил весть о том, что в Елабуге остановлено строительство тракторного гиганта. Но теперь меня тревожит другое — объявлено строительство очередного, еще большего гиганта — автомобильного.

Посмотрите на карту Татарии: города Елабуга, Менделеевск, Набережные Челны — они расположены совсем рядом, я вижу их из своего окна. На этом небольшом пятачке уже расположены три гиганта: КамАЗ, «Нижнекамскшина», «Нижнекамскнефтехим», не считая множества других крупных предприятий. Теперь здесь хотят разместить четвертый гигант — ЕлАЗ. Нас что, решили задавить гигантами? Почему за четыре года строительства никто не удосужился спросить обо всем этом мнения елабужан, челнинцев, нижнекамцев? Ведь нам, нашим детям и внукам придется расплачиваться за все последствия необдуманных решений. Перспектива строительства очередного гиганта не вызвала восторга елабужан. О том, что мы против, ясно было из материала газеты «Правда» «Пять дней в Елабуге». Только молодые сотрудники «Правды» сделали то, в чем елабужанам до сих пор отказывает наше городское руководство, — провели частичное анкетирование. Результаты — более 70 процентов опрошенных против.

Почему? Главным образом по экологическим соображениям. Совсем недавно проходил митинг, на котором специалисты говорили о том, что экологическая обстановка в регионе очень напряженная и без ЕлАЗа, что окружающие нас леса на грани гибели. Кому не известны картины И. И. Шишкина, уроженца здешних мест? Так вот, под угрозой тот самый шишкинский бор.

В декабре проходило обсуждение генплана города, где наконец-то сказано часть правды о будущем лесов и лугов, которую местные власти тщательно скрывали от нас все эти годы.

Жизнь доказывает, что регион уже сейчас перенаселен, да еще при наших беднейших песчаных почвах. Вышеназванные гиганты давно опустошили село, работать там сейчас некому — мы это видим своими глазами. Вот о чем должна болеть голова у нашего руководства! Не надо поражать воображения общественности очередным гигантом.

Мы надеялись, что дальнейшую судьбу стройки всесторонне изучат, разместят здесь в пределах построенного хотя бы производство бытовой техники, которой так не хватает. Да и наши предприятия легкой промышленности ютятся в допотопных помещениях. Не поздно еще изменить решения и исправить ошибку.

Очень прошу редакцию журнала «Смена», руководство Госкомприроды СССР вынести этот вопрос на суд общественности, провести независимую экологическую экспертизу нашего региона и города для определения возможности строительства автозавода. Иначе через 10—15 лет сосновые боры мы увидим только на картинах И. И. Шишкина. Так как же решится вопрос — в традициях застоя или на принципах перестройки и гласности?

А для того, чтобы иметь автозавод, есть много других возможностей. На предпоследней сессии Верховного Совета СССР один из депутатов из южной республики криком кричал, просил разместить у них какое-либо производство из-за острой нехватки рабочих мест. Или такой вариант: уверен, если бы мы выпускали надежные трактора, а не потенциальное сырье для металлолома, то без всякого ущерба можно было бы перевести на выпуск микролитражек 2—3 тракторных завода, не возводя новых гигантов.

Поэтому еще раз убедительно прошу — помогите елабужанам! Очень не хочется ездить на машине по пустыне. О себе. Мне 44 года, женат, образование высшее экономическое, служащий.

Подписываюсь, чтобы мое письмо не считали анонимным, но прошу «Смену» не публиковать мою фамилию и адрес, так как по всему видно, что у республиканского и местного руководства одна цель — любой ценой протолкнуть строительство гиганта.

г. Елабуга

Статья «Мертвые и живые» («Смена» № 1, 1989) хорошо написана о мертвых, а вот о живых... плохо. Была такая возможность показать лицо бюрократа и нашу милицию! Почему в зарубежной печати появляются фотоснимки полицейских, унижающих человеческое достоинство трудящихся, а снимков нашей милиции — почти нет. Конечно, понятно, что она выполняет приказ, но и те, за границей, — тоже по приказу... Если уж начали статью на эту тему, то не обрывайте ее на спине милиционерского чиновника...

Н. СКОРОХОД,
Ворошиловград

Мне двадцать пять лет, у меня двое детей, пяти и трех лет. Живем мы с мужем и детьми без помощи бабушек и дедушек. Когда у меня родился первый ребенок, то, как и положено, я до полутора лет сидела с ним дома. За все это время мой ребенок болел всего два-три раза. Но как только он пошел

в ясли, то сразу же начались наши мучения. Я работала пять-шесть дней в месяц, а все остальное время сидела на больничных. Как только родился второй ребенок, немедленно забрала старшего из сада. И опять история повторяется. Полтора года, пока дети находились дома, они почти не болели. Но как только они пошли в садик, я постоянно на больничном. На заводе, где работаю технологом, даже стали забывать, как я выгляжу.

Оклад у меня 115 рублей. Плюс прогрессивка. А по больничному листу получаю 100 процентов. Дети в садике на бесплатном обеспечении. Интересно знать, подсчитывал ли кто-нибудь, сколько же денег тратит государство на меня? И таких, как я, очень и очень много. Почти у всех моих подруг, имеющих маленьких детей, точно такая история.

Возникает вопрос: а не выгодней ли государству просто прибавить моему мужу к зарплате, ну, скажем, рублей 70, а мне разрешить воспитывать детей самой, в домашних условиях, лет до пяти-шести? И дети будут меньше болеть. Значит, вырастут из них нормальные, здоровые люди. Ведь не секрет, что ребенок в полтора года очень тяжело переносит разлуку с мамой. Так зачем же травмировать нервную систему ребенка? Да и питание, согласитесь, дома лучше. Есть и еще один немаловажный момент. Сейчас очень много говорят о роли семьи в воспитании ребенка. О каком воспитании может идти речь, если я вижу своих детей три часа в день (когда не на больничном).

А в выходные дни не знаешь, за что раньше взяться: надо и убрать, и постирать, и сварить, и погладить, и пришить, и помыть. Тут не то что в кино детей сводить или в кукольный театр, некогда даже почитать им книжки. А была бы я дома, и домашнюю работу всю бы переделала, и с детьми на все мультфильмы, и в зоопарк, и в цирк, и в театр бы ходила, и книги бы читала. А главное, росли б они у меня здоровыми, спокойными, воспитанными. И, уверяю вас, не менее развитыми, чем в садике. Я думаю, что если вы опубликуете мое письмо, то все матери, имеющие маленьких детей, со мной согласятся и поддержат мое предложение.

Елена ПОГРЕБИНСКАЯ,
Киев

О БАМе знаю не по рассказам — сам служил там. Поэтому никак не могу согласиться с Александром Левинтовым — автором статьи «Дорога... куда?» (№ 19 за 1988 г.). В ней Александр Евгеньевич, в частности, говорит о том, что у военных железнодорожников «нижайший уровень качества строительства». Тут, видимо, автор ступил краски.

Да, были случаи, когда не все получалось сразу, когда приходилось устранять недоделки. Но ведь вчерашние школьники, выпускники профтехучилищ, призванные на службу в армию, в первое время не могут соперничать в мастерстве с профессиональными транспортными строителями. Тем не менее через год-полтора они становятся опытными специалистами. И напрасно утверждает А. Левинтов, что «железнодорожные войска имеют не самое лучшее пополнение». В большинстве своем в войска приходят добросовестные, честные, трудолюбивые парни, чьиими руками и построены 1470 километров восточного участка БАМа. Качество молодого пополнения доказано всем ходом строительства БАМа.

И еще об одном. Непонятно, о какой «доходящей до бессмысленной жесто-

кости отношения к природе» со стороны воинов-железнодорожников ведет речь автор? За все годы строительства воины сохраняли природу края, красоту тайги, тушили многочисленные лесные пожары, проявляя при этом мужество и самоботверженность. И сами военные городки становятся сегодня другими, уходит в прошлое брезентовая палатка.

Капитан В. ЛЕЩИШИН,
начальник отдела
комсомольской работы,
помощник начальника
политического управления
железнодорожных войск
по комсомольской работе

ОТ РЕДАКЦИИ: А что думаете вы, рядовые солдаты-железнодорожники, работающие сейчас на БАМе? Что думают те, кто недавно демобилизовался?

✉

Олежек! Прочитала во втором номере «Смены» твоё письмо. Я верю, что ты найдёшь своих сестренку и брата. А вот, сынок, если после армии тебе поехать некуда, приезжай к нам. Устроишься на работу, если захочешь, будешь учиться, а в нашей семье тебе место найдется. Будем рады. Желаем тебе успешной службы, доброго здоровья и счастья. Наш адрес: 390000, Рязань, улица Каширина, дом 4, квартира 7.

Лариса Анатольевна ИЛЮШИНА

✉

Наша страна первенствует по количеству абортов. С этим надо бороться. Вопрос: какими методами?

...Моя невестка решила сделать аборт. Основная причина — плохие жилищные условия: как жить вшестером в двухкомнатной проходной квартирке? Дали ей направление. Домой она пришла в слезах и протянула мужу такой листок:

«Акушерско-гинекологическое объединение
горроддом № 1
Базовая женская консультация
НАПРАВЛЕНИЕ

Прошу прервать беременность гражданке _____ по ее собственному желанию

Срок беременности 6,7,8,9,10,11,12 недель
Врач _____
_____ 198 г.

Глубокоуважаемая женщина!
Прочтите и еще раз подумайте!
Опусти секиру, мама, не руби!
Мое крохотное тело не губи!

Я — дыханье! Я — пушинка. Я — роса.
Я — твоя грустинка, мама. Я — слеза.
Седину твою поглажу в час ночной,
Принесу в подарок розы без шипов,
На твои страдания, мама, отзовусь!
Я Данилкой, я Наташенькой зовусь!
Извините, разве это нравственно?
Разве человечно? Неужели нельзя по-другому «агитировать» против аборта??

**О. Б.,
Кривой Рог**

✉

Никогда я не писала писем в газеты, журналы, на телевидение. Но сейчас мне надо выговориться. Слишком тяжело носить в себе все это. Я никогда никому не рассказывала о своей жизни, поэтому никто не знает, что мой отец

алкоголик. Как раз сейчас у него двухнедельный «заплав», и мы просто в отчаянии. Я понимаю, что до этого вам нет дела. Я только хотела сказать, что по-черному завидую всем вашим читателям — они думают о перестройке, говорят о сталинских репрессиях, о «дедовщине» в армии, об одиноких стариках и несчастных инвалидах. Они спорят о том, должны ли у нас показываться эротические фильмы или нет. Ах, как бы мне хотелось тоже хоть немного с кем-нибудь поговорить, но я должна думать о деньгах, о том, как бы их побольше заработать. Мы с матерью зарабатываем, папаша проливает. Жуткая жизнь. Извините, что заплакалась.

**Ольга,
Новосибирск**

✉

Статья «Пути красоты» (№18, 1988 г.) очень взволновала меня. После просмотра «конкурсов красоты» у меня возникло чувство сильного унижения. Обида и протест — чем я хуже! Внешность моя «отвечает запросам», только меня не обзирают в купальнике и не вглядываются тщательно и эротически в мои «выступы» и «впадины». Что же, думаю, неужели то, что я не пошла бы на это из скромности и стыдливости, а они решились, — определяет судьбу женщины? Зачем нужна моя скромность, если она не позволяет ощущать себя достойной женщиной, а наоборот, унижает? Неужели «умение продать себя» — критерий качества женщины (видите, я перешла на товарный язык)? Чем лучше «преподнесешь себя», тем выше оценка. Да знают ли устроители конкурсов душу женщины, если их нравственные нормы позволяют им культивировать преклонение перед нами, как перед выбором сексуальных стимуляторов?!

Конкурс женщин, конкурс собак, конкурс марок машин... Давайте устроим конкурс мужчин, разденем, заставим делать нужные телодвижения и носить (кто лучше?) элегантные брюки.

Да, тело женщины красиво. Но не оно определяет женщину как человека. Пусть каждая несет и дарит свою красоту только единственному любимому мужчине. Пусть сама жизнь будет для каждой из нас возможностью найти светлое счастье, а не бойней за место под солнцем. Хорошо, если бы для всех была заповедь фраза Стендаля «Стыдливость — мать истинной любви» (и хочется добавить: «женственности»). Обращаюсь к вашим рыцарским чувствам: сделайте что-нибудь, чтобы прекратить эти регулярные оскорбления женского достоинства! Нам, русским, это чести не делает.

**Светлана В.,
Тихвин**

✉

Статья «Неоправимость» (№ 17 за 1988 год) кричит о проблеме неполноценных детей — жертвах алкоголизма. Статья интересная, полемичная и в то же время потрясает своей безысходностью. И как облегчение, как единственно реальное решение вопроса звучит предложение специалистов «исключить» смерть таких детей из понятия «детская смертность». Действительно, эти существа (людьми, простите за откровенность, их назвать язык не поворачивается) нежизнеспособны.

Мы много говорим о гуманности. Возвращение этих существ к жизни считается гуманным и обязательным. Но где же здесь гуманность, если мы своими руками обрекаем на мучения ни в чем не повинных человекоподобных и их родителей? Вопрос пора ставить жестко и серьезно. Стоит ли обществу

затрачивать столько сил и средств и при этом не только не получать для себя ничего полезного, а наоборот — приносить множество мучений и себе, и этим существам? Кому нужна такая гуманность?

Лечение таких малышей дорогостоящее и сложное, к тому же зачастую безрезультатное. Не лучше ли нам средства и силы, бесполезно затрачиваемые на это, применить там, где их не хватает, — в детских домах, в детских больницах, в тех же домах ребенка, чтобы дать все, что в наших силах, детям, которые обделены судьбой. Но детям, а не живым напоминаниям нашей преступной безвольности...

**КРАЙНОВ, НИКМЕТЗЯНОВ,
ЧИОДАЕВ, ШЕР,
КОПАЛЫГИН,
военнослужащие**

✉

Прочитала статью Виктора Антонова «Неоправимость». Предложение «исключить смерть неполноценных детей из понятия «детская смертность» я считаю неприемлемым для цивилизованного общества. Страшно, что сказано это доктором медицинских наук.

Разве кто-нибудь, пусть даже самый гениальный врач, имеет право решать: жить человеку или нет? Следует его лечить или нет? Врач обязан сделать все возможное для спасения жизни (если он, конечно, Человек), а не раздумывать: достоин ли ее ребенок. И если сейчас позволить врачам решать вопрос жизни и смерти неполноценных детей, то где гарантия, что через некоторое время жизнь нормального, но просто ослабленного малыша не будет зависеть от желания или нежелания врача делать свое дело.

В страданиях этих беззащитных и слабых детей виноваты мы, взрослые и сильные. Малыш расплачивается за наши ошибки и нашу безграмотность. И вместо того чтобы хладнокровно раздумывать, стоит ли спасать этого ребенка, лучше подумать над тем, что же делать с женщинами, которые бросают своих детей, с матерями — алкоголичками и наркоманками. Почему им мы оставляем шанс родить еще одного ребенка, а их детей хотим лишить шанса жить?

**М. МАТКОВСКАЯ,
Подольск**

✉

Мне, в отличие от многих инвалидов, повезло: удалось устроиться на работу, пусть и временную. Четыре месяца отдавал жене не только пенсию, но и зарплату. Вернее, 87 ее процентов. Подумалось тогда, неужели у нас так много работающих инвалидов первой группы, что Минфин «не может поступить принципами» и освободить их от подоходного налога? Казна проглатывает эту незначительную сумму, взятую от семей, где каждый рубль на особом счету, не заметив ее.

Инвалидам необходимы автомашины с ручным управлением. Нравственно ли вообще иметь очереди на получение таких автомобилей? Да и «получение» — слово некстати, ведь лишь инвалиды войны получают «Запорожцы» бесплатно. А намного большая часть других «обезноженных» выкладывает по 2800 рублей. Уверю вас, не так просто из наших пенсий делать сбережения, чтобы скопить даже такую сумму. Интересно, что тема «продажа автомобилей инвалидам на кредит» не обсуждается. А почему?

Льготы инвалидам зачастую не спрашивают. Скажем, билеты на все виды транспорта продаются мне со скидкой

50 процентов. Но только зимой. Зимой, когда гололед, тяжелая одежда делает путешествия затруднительными, конечно, в дальнюю дорогу я не отправлюсь. А летом ни Аэрофлот, ни МПС не уступят и копейки. Могу ли я хоть изредка пройти рекомендуемые врачами морские процедуры?..

Нет, не желание пожаловаться заставило написать это письмо. Благодаря семье и друзьям часто забываю о своем недуге. Но общество, вставшее на путь коренных перемен, о каждой своей болезни забывать не вправе.

**В. КРАСНОПЕРОВ,
инвалид первой группы,
34 года**

«В этом году у меня юбилей своего рода. Дело в том, что с 1979 года я являюсь подписчиком вашего журнала. Хороший же подарок вы мне подготовили, нечего сказать. Согласитесь, что даже в руках держать ваш журнал и то не очень приятно. Не говоря уже о том, что храниться он теперь долго не сможет — не позволит обложка журнала. Журнал превратился в двухнедельную газету, только богаче иллюстрированную. Если бы вы заранее анонсировали об изменении объема журнала, уверена, что не 870 тысяч подписчиков у вас прибавилось, а постоянных столько бы было. Ну, что же, обманывают ведь только раз, на будущий год исправим ошибку. Вот вы пишете, что машина не успевает печатать обложки, так тогда и цена, естественно, должна измениться. Ан нет, цена-то как раз осталась прежней, хотя журнал уже на журнал не похож. Ответьте, пожалуйста, до каких пор потребитель будет из своего кармана оплачивать чье-то разгильдяйство?

**О. ОВСЕЕВА,
п. Н. Ликеево, Горьковская область»**

«Уважаемые товарищи! Много лет я являюсь подписчиком вашего журнала. Нахожу в нем для себя много интересного и полезного. Но в этом году первого номера я не получила. В отделе доставки мне сказали, что первый номер недослали и пришлют ли, неизвестно. В чем дело?

И. КИРЕЕВА, Астрахань»

Письма такого примерно содержания приходят в этом году в редакцию ежедневно со всех концов страны. Подписчики жалуются, что не получили вовремя первый номер, второй, а уж не получившие третий номер в конце февраля просто раскалили редакционные телефоны — видимо, терпение кончилось (№ 3 из экспедиции издательства «Правда» ушел на 25 января, а 14 февраля). И мы понимаем их состояние. Конечно, успокаиваем, что журнал непременно придет, объясняем, что редакция не занимается доставкой, что экспедиция издательства «Правда» не справляется с увеличившимися в этом году тиражами, что транспорта не хватает, почталыонов... Но почему мы должны оправдываться за других? И какое дело читателям до внутриведомственных проблем, ведь они-то уплатили не только за журнал, но и за его доставку.

Наши устные обращения к руководству издательства «Правда» не дают результатов. Поэтому мы вынуждены со страниц журнала от лица наших читателей обратиться к дирекции издательства «Правда» с просьбой наладить своевременную отправку тиража подписчикам. Обращаемся также к Министерству связи СССР: когда же будет введен порядок с доставкой «Смены»?

ДРЕМЯ И МЫ

Дорогие друзья! Под таким девизом проходит наш традиционный конкурс одного стихотворения. Мы ждем от вас интересных стихов о событиях, происходящих в нашей бурно меняющейся жизни, о проблемах перестройки и демократизации общества, об огромной роли человека в преобразованиях, происходящих в стране. Все, что волнует, заставляет нас с вами задуматься, удивляет, может стать предметом обсуждения на поэтической страничке «Смены».

Напоминаем условия конкурса: в нем могут принимать участие все, кто пишет стихи (кроме членов Союза писателей СССР). Необходимо указывать профессию, имя, отчество, фамилию, возраст, домашний адрес. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Итоги конкурса подводятся в конце года, победители награждаются дипломами и премиями «Смены». Но самой приятной, мы надеемся, наградой победителям станет публикация подборки их стихов.

Желаем успехов! Ждем ваших писем!

Лидия ПАЛАМАРЧУК,
медсестра, Москва

ЛЮБОВЬ И ПЕРЕСТРОЙКА

Мне говорят: «Брось о любви писать,
Не до любовной нам сейчас парадности,
Пора другие темы выбирать —
О перестройке, о труде, о гласности!
Ведь в наш ракетный, беспокойный век
Любовная настала деградация.
Спят все перестроить человек.
Об этом и неск стихи в редакцию.
Тогда в печать ты точно попадешь,
Зауважат все и скажут: «Умница»,
И побегит толпою молодежь,
И будет брать автографы на улице.
Труд, перестройка,
перестройка, труд!»
За все, за новое, душой болею
страстно я.
Что ж, без любви, пожалуй, не умрут,
Но без нее построят ли прекрасное?!

Алексей МАЛЬЦЕВ,
врач, Пермь

ВОЕННАЯ КАФЕДРА

Ты похожа была на иллюзию.
Мы расстались с тобой, не скорбя...
Эх, военная кафедра в вузе,
как держались мы все за тебя.
Мы, студенты, не знавшие срочной
на недолгом ученом пути,
рады были в душе, что заочно
нам пришлось эту школу пройти.
Что вот так: невидимым и целым
смог практически каждый из нас
вуз окончить и стать офицером
в отведенный для этого час.
Стал бы я вспоминать нюансы
в жестком ритме бегущего дня...
Но вчера хоронили «афганца»
лет на восемь моложе меня.
Подобрали солдата распятым
на столбах с обгоревшим лицом...
Я учился когда-то в десятом,
ну а он, сорванец, во втором.
В этой школе, стоящей напротив,
мы когда-то транжирили мел...
Говорят, самым сильным был в роте
и всех больше веснушек имел.
Да в придачу к ним пару контузий
вместо лекций и лагерей...
Эх, военная кафедра в вузе,
не понять тебе боли моей.

Лариса СОКОЛОВА,
библиотекарь, Брянск

Свой у времени расчеты,
а у меня срок.
Я в числах четных и нечетных,
продляю срок любви.

Своей любви к всему живому,
что дышит и цветет...
Я на земле посюду дома,
где дел невпроворот.

Когда огнями полон город,
и каждый дом согрет,
меня вопиет звездный холод
и млечности секрет.

Окружена моя планета
глубокой синевой,
где жизнь в космических сюжетах
забыла про покой.

Ольга ФЕДОСЕЕВА,
служащая, Москва

В ожидании жизни

Он часто приходит с работы к обеду,
Ложится ничком на кровать
И плачет беззвучно: «Я лучше уеду,
Уеду, чем здесь пропадать».

Он долго обхаживал сонные двери,
Краснел измученным лицом.
Он не был наивен, но все еще верил
В бессмысленно красный диплом.

Потом, переплавив и цену, и веру,
Заякивал, слетничал, врал.
Он мог бы, наверное,
сделать карьеру,
Но нет, не об этом мечтал.

И снова безглазое, серое утро
На сердце сдавило тиски.
Он в зеркало смотрит,
бледнея, как будто
За ночь поседел виски.

Качнулся, пошел. Зазвенела посуда.
Вернулся, присел на кровать.
Привычно подумал: «Уеду отсюда...»
И тихо заплакала мать.

Виктор КОСЕНКОВ,
пенсионер, Москва

Был я никем
все сорок тысяч лет,
и все же — был,
чтоб стать потом собою.
Из тьмы веков за мною —
жизни след,
как из пещеры в утро голубое.
И пращурь, числа которым несть,
сошлись во мне,
как в древности на вече.
Держу ответ за все, что в сердце
есть,

за жизнь свою на свете человечью.
А срок настанет,
и уйду во тьму,
но с именем —
недобрым или добрым,
или таким, что станет камнем
пробным
для целой жизни внуку моему.

Магдалина ГРУЗИНОВА,
экономист, Москва

Мне с этой вестью не ужиться...
Ты разлюбить меня бы мог!
А голова моя кружится,
Земля уходит из-под ног.

И сердце бьется невпопад,
Переживая мысли смуту,
И бьется каждую минуту
Измерить беспредельность взгляда —
К тебе, к тебе, моть в рай, хоть в ад!

Сергей БРЕМЕЕВ,
журналист, Актюбинск

Прохожий сына костерит.
«Бот ты такой-сякой...
Вот я...»

А сын и говорит:
«Фальшивишь, дорогой:
Ты сам учил меня лаять,
Ты сам шептал: «Крутись»,
А тут решил добру учить
На старости?»

Умись! —
...Как жить, чтоб день не ускользал
За ложною строкой?
Чтоб сын потом мне не сказал:
«Фальшивишь, дорогой...»

Борис МАРТЫХИН,
служащий, Москва

ДЫХАНИЯ

Когда с толпой в морозный день
солюсь,
пойду в потоке разнородных
судеб, —
по таящим дыханиям учусь
я понимать невысказанность
в людях.
Вот в чистой и промерзшей тишине
короткий выдох замер невесомо...
Быть может, это сказанное мне
в комочек обратившееся слово.
Протяжный выдох на кратчайший
миг

на ветерке астровежно покружит,
быть может, чай-то человеческий крик,
не удержавшись, вырвался наружу!

Вадим СТЕПАНЦОВ
студент, Тула

ТРАГЕДИЯ ПЬЕРО

Аллергический запах цветущей
рябины
разливается около старого пруда.
Я сижу, вспоминая кудряшки
Мальвины.
Ах, малышка Мальвина, «десертное»
блюдо!
Не блондинка она и совсем
не брюнетка —
нат, Мальвина особа особенной
мести.
Эй, откликнись, голубоволосая
детка,
твой несчастный Пьеро умирает
от страсти.
Ты сбежала, Мальвина, ты скрылась,
Мальвина,
ты смоталась и адрес оставил
забыла.
Сколько слез по тебе я отплакал,
бамбино, —
никакая цистерна бы их не вместила.
Пустел в балаганчике нашем
тот угол,
угол, где, отыграв свои глупые роли,
мы с тобой задыхались в объятиях
друг друга,
погружался, ажимаясь друг в друга
до боли.

Всю весну мы прошлялись
под флагом, Эрта,
а когда забелела цветами рябина,
ты ревела: «А ну тебя, мальчик,
в болото».

Я не прав? Или прав? Эй,
откликнись, Мальвина!
Я на днях повстречал дурака
Буратино:
бедный малый свихнулся на поисках
кладов.
Только золото — мусор, не так ли,
Мальвина?
Без тебя никаких мне дублонов не
надо.
Надо мной в вышине пролетают
пингвины —
кто за чудо!.. А, впрочем, плевал я на
чудо.

Аллергический запах цветущей
рябины
разливается около старого пруда.

Вадим ШУЛЯКОВСКИЙ,
рабочий, Москва

ПАМЯТЬ

Весь мир от дальней переправы
я вижу из конца в конец!
Сосняк прилег на берег правый,
как еля выплывший беслец.

В тумане там деревня стынет,
закатным тронуте огнем...
А левый берег мой пустынен.
Ни сел, ни леса нет на нем.

Чего ж ты хочешь, край мой милый?
Моей беды, моей вины?
Здесь даже очия могилы,
бульдозерами снесены.

Да, я тоскую. В сердце тяжесть.
Моя земля в отпечатках пней.
И если в эту завлю ляжешь,
то никого не встретишь в ней.

Ни пращуров, зарытых прежде.
Ни «бывших», умерших во зле.
И ни отцов, в слепой надежде
идущих с факелом во мгле...

Корней огромных переходы
повысохли, и не поймешь —
куда с отходами заводов,
в какую бездну утешься.

ФРАНЦ ПРОПП

Оглушительно ревет паровой гудок. На покачивающемся деревянном полу стоит стакан, по самым краям наполненный виски. Вокруг валяются измятые купюры.

Рука мужчины, одетого в пятнистый комбинезон, держит над готовой перелиться через край жидкостью пятифранковую монету, потом осторожно, почти ласково, опускает монету в стакан.

Монета ложится на дно стакана на столбик себе подобных. Виски образует над краями стакана выпуклый купол, но, вопреки всякому ожиданию, не проливается.

Рука неторопливо собирает купюры, а ее владелец издает торжествующий клич с явно выраженным американским акцентом:

— Йеа-а-а!

Внутренних размеров револьвер сорок пятого калибра с откинутым барабаном — в руке другого мужчины, одетого в офицерскую форму цвета хаки.

Видно, что из шести патронов в барабане один без пули.

Резкое движение — и барабан со щелчком встает на место, ствол угрожающе нацеливается в невидимую точку. Вновь раздается торжествующий вопль:

— Йеа-а-а!

Пронзительный звук. На сей раз это гудок автомобиля, попавшего, по всей видимости, в затор, — на сигнал нажимает женская рука.

Кроме этой нетерпеливой руки, видны только часть рулевого колеса и загорелые стройные ноги, едва прикрытые короткой юбкой.

Наконец, правая нога нажимает на педаль газа, автомобиль трогается; одновременно с этим в третий раз раздается победный клич:

— Йеа-а-а!

На пристанях Ла Жольет в Марселе идет разгрузка крупного военного транспорта.

Тут военные всех родов войск, самого различного возраста и цвета кожи, но всех объединяет выражение усталости и безразличия на лице.

Вся эта людская масса с оружием и амуницией стекает на пристань, минует пропускной пункт и рассаживается по грузовикам, которые повезут одних в лагерь Св. Марты, других — в Карпиан или в казармы Мюи. Волею случая в людском потоке рядом оказываются двое.

Один из них — Дино Барран, симпатичный парень лет тридцати, с агрессивным выражением хмурого лица. На нем форма и отличительные знаки военного медика и лейтенантские нашивки.

Второй — Франц Пропп. Вылинявший пятнистый комбинезон десантника, знаки Иностранного легиона. Он постарше, черты его лица грубее. На правом плече у него тяжелый вещмешок цвета хаки, в левой руке — стакан с виски. Безразличный ко всему на свете, он на ходу отхлебывает глоток за глотком.

Осушив стакан, он отшвыривает его в сторону моря и задевает при этом рукой вещмешок Баррана, из которого вываливается на землю тяжелый револьвер в полотняной кобуре.

Пропп подбирает револьвер, вытаскивает его из кобуры, вертит в руках. Потом отдает его медику. Все это происходит без слов.

Барран засовывает револьвер на прежнее место и продолжает путь. Толпа оттесняет его от легионера.

А вокруг — зимнее утро. В Алжире давно отгремели последние залпы².

За решетчатой оградой причала, где разгружается прибывший транспорт, стоит «ситроэн-ДС». За рулем — молодая женщина.

Она явно кого-то встречает: через лобовое стекло нетерпеливо всматривается в толпу солдат, которых военные полицейские в белых касках распределяют по грузовикам.

Это Изабелла. Ей около тридцати, она одета в прекрасное сшитый костюм и наделена грацией дикого животного.

Глаза ее скрыты темными очками, но нетрудно угадать, что ее интерес привлекает то один, то другой военный из шагающих по ту сторону ограждения.

Почему-то все, на кого она смотрит, — медики. Первый из них — обильно потеющий толстяк, который поминутно утирает платком лоб. Второй, едва миновав пропускной пункт, устремляется в объятия подруги. Третий — Дино Барран.

Женщина снимает очки и выходит из машины. По тротуару она догоняет Баррана и идет рядом, отделенная от него оградой. Для этого ей приходится продираться сквозь толпу встречающих.

Приблизившись, наконец, к Баррану, Изабелла просовывает руку через прутья ограды и дергает медика за рукав.

Барран, остановившись, смотрит вначале на вцепившуюся в него руку. Потом переводит взгляд на Изабеллу.

— Как вас зовут? — торопливо спрашивает она.

— Барран.

— Вас-то мне и надо.

Изабелла говорит это со страстной убежденностью, в глазах ее — мольба. Барран, похоже, видит ее впервые. В конце концов он пожимает плечами.

— Значит, мне повезло, — равнодушно роняет он. И, как ни в чем не бывало, идет дальше. Изабелла старается не отставать. Лицо ее искажено тревогой, она пытается перекричать нестройный гомон толпы.

— Вы знали там одного моего друга! Он должен был вернуться!

— Кто? — не останавливаясь, коротко спрашивает Барран.

— Его зовут Моцарт! Как музыканта! Он медик! Как вы!

— Не знаю такого.

— Ну как же! Вспомните! Моцарт!.. Прошу вас, выслушайте меня!

В этот миг решетчатая ограда сменяется глухой стеной, которая отсекает молодую женщину от Баррана. Раздосадованная тем, что так внезапно лишилась собеседника, Изабелла бежит к воротам, где, как она надеется, ей удастся его перехватить. На тротуаре ей приходится протискиваться через плотную толпу людей, которых не пустили на причал.

Добравшись, наконец, до ворот, она вынуждена отпрянуть от выезжающего на полной скорости грузовика, набитого военными.

Грузовик поворачивает и проезжает мимо нее. В задней части кузова как раз устраивается Барран, который вскочил туда в самый последний момент. Изабеллу он не удостоивает даже взглядом.

Та застывает в неподвижности посреди обтекающей ее толпы, на лице ее — паническая растерянность.

Одна из казарм лагеря Св. Марты с рядами двухъярусных коек. Солдаты томятся ожиданием: одни играют в карты, другие пытаются заснуть.

Себастьян ЖАПРИЗО

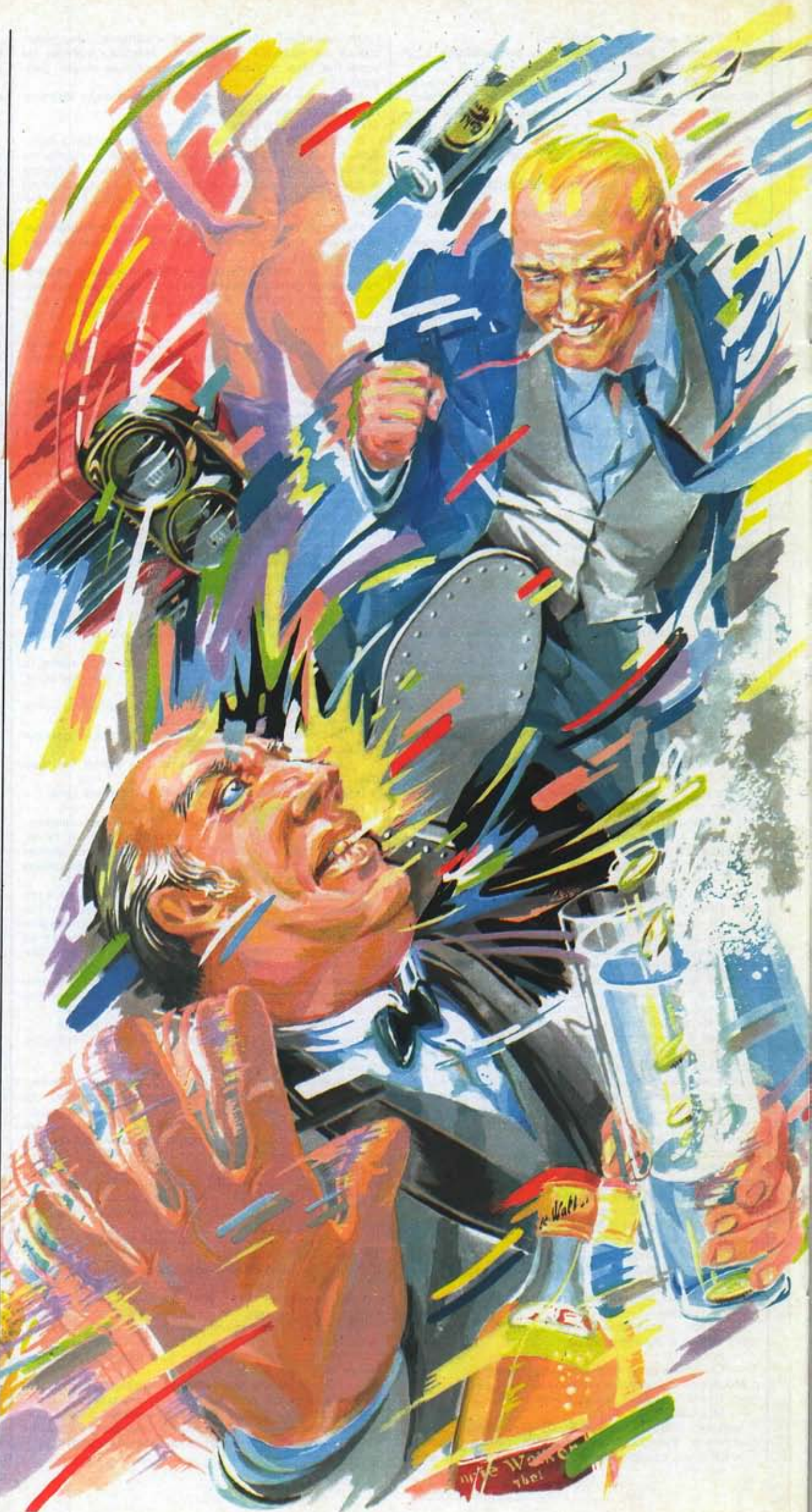
ПРОЩАЙ, ДРУГ

— Тогда зачем же встречала?
Молчание. Теперь уже ее губы нетерпеливо ищут в темноте губы Баррана.
Утреннее солнце. Разматывается серая лента асфальта. Указательные щиты. «ДС» катит к Валансу.
Барран сидит за рулем в темных очках Изабеллы. Его спутница, забившись в угол, оправдывается, словно продолжая ночной разговор:
— ...Он был нужен мне, вот и все.
— Зачем?
— О-о... Вчера это казалось мне концом света, а теперь мне все равно.
— Зачем? — настойчиво повторяет свой вопрос Барран.
Изабелла привстает, поправляет юбку — должно быть, собирается с мыслями. Наконец, не отводя глаз от дороги, отвечает:
— Я договорилась, чтобы Моцарт провел медосмотр служащих нашей компании... Он мне обещал...
Молчание. Изабелла придвигается к Баррану и склоняет голову ему на плечо. Тот по-прежнему молчит, а глаза его скрыты темными стеклами. Барран дает длинный гудок и берет круто влево, чтобы обогнать другой автомобиль.
Изабелла прикуривает сигарету и протягивает ее Баррану, который ведет машину с замкнутым, сосредоточенным лицом.
— Неужели для медосмотра не нашлось гражданско-го врача? — спрашивает Барран.
— Ответа нет.
Щелчком Барран раскачивает массивный брелок, висевший на ключе, вставленном в замок зажигания, потом продолжает:
— Ты берешь напрокат машину и, вся в слезах, едешь за тысячу километров — и все ради того, чтобы подрядить военного на работу, которую может выполнить любой врач!.. Интересно.
— Ответа по-прежнему нет.
Барран срывает с себя черные очки и гневно восклицает:
— Ты что, смеешься надо мной?
Изабелла смотрит на него печальными глазами, губы ее дрожат.
— Медосмотр проводится в подzemелье здания компании, перед самыми рождественскими каникулами, — говорит она, отворачиваясь.
И все. Она выпалила это одним духом — так бросаются в воду.
— Ну и что из того? — не понимая, спрашивает Барран.
— Не всякий врач согласится дать себя запереть там в последний вечер.
Барран не успевает удивиться — «ДС» ныряет в один из туннелей на подъезде к Лиону. Машина бежит сквозь тьму, прорезаемую красными и желтыми огоньками и металлическими отблесками. Ни Баррана, ни Изабеллу не различить.
— Что там, в подzemелье? — спрашивает Барран.
— Сейф, — коротко отвечает Изабелла.
— Что в сейфе? — наконец задает Барран следующий вопрос.
— Ничего.
— Тогда зачем тебе понадобилось его открыть?
Автомобиль выныривает из туннеля на яркое солнце. Барран смотрит на молодую женщину. Достав из сумочки толстую пачку зеленых акций на предъявителя, она с покаянным видом показывает их Баррану.
— Чтобы положить туда это... Акции, которые я стащила... Их тут на пять миллионов...
Ближе к вечеру, на плоскогорье Морван.
«ДС» с открытыми дверцами стоит у придорожного ресторана. Поодаль на стоянке — другие автомобили.
Устроившись на сиденье пассажира с тарелкой на коленях, Барран с аппетитом поглощает бутерброд с бифштексом и салат. Изабелла, стоя возле машины, заканчивает рисовать губной помадой на лобовом стекле нечто вроде плана.
Закусывая, Барран поглядывает на эти красные линии, ветвящиеся будто в пустоте между ним и лицом склонившейся к нему молодой женщины.
— Здание тридцатизэтажное... — поясняет Изабелла. — Подземелье отведено службам рекламы... Это огромное помещение с множеством коридоров... Медосмотры проводятся здесь, в конференц-зале... А как раз рядом — хранилище с сейфом...
Она ставит помадой крестики, отмечая места, о которых говорит.
— И как бы он туда вошел, твой Моцарт? — спрашивает Барран.
— Дверь открывается электрически. У меня есть план цепей и выключателей.
— А сейф?
— Он открывается комбинацией из семи цифр. Но мы с Моцартом придумали способ, как ее узнать.
— Кто это «мы»? Моцарт или ты?
— Мы оба.
Барран, покончивший с едой, отставляет тарелку и включает стеклоочистители. Делает он это, похоже, с некоторым раздражением. Что это: ревность из-за

слов «мы оба»? Или недоверие к истории, явно непохожей на правду? Неизвестно. Никогда толком не известно, что скрывается за замкнутым лицом Баррана.
«Дворник» размазывает по стеклу помаду Изабеллы, стирая план подземелья.
Проселочная дорога, глухая ночь.
В стоящем на обочине «ДС», салон которого освещен только приборной панелью, Барран и Изабелла устроились на ночлег на откинутых сиденьях. Сидящий в углу Барран курит сигарету, и все вокруг, когда он затягивается, проступает в красном свете. Он перебирает пачку акций.
Изабелла лежит рядом с ним голая, с распущенными волосами. Приглушенным голосом она заканчивает свой рассказ:
— ...И вот полгода назад я увидела акции в кабине администратора, незадолго до того, как их следовало положить в сейф... Я взяла самые маленькие купюры, их легче всего сбыть. Я и не представляла, во что это выльется...
Барран не отвечает, и она придвигается к нему, пытаясь разглядеть в красном свете сигареты выражение его лица.
— Понимаешь, с самого начала я твердила себе, что выкуплю эти проклятые акции. И еще, что Моцарт поможет мне положить их на место перед годовой проверкой... Я ему верила...
Барран поворачивается к Изабелле и разглядывает ее в полумраке. Потом, с неожиданно усталым вздохом, он бросает сигарету и заключает молодую женщину в объятия.
Только что встало солнце.
Лежа в машине, Барран открывает глаза и с удивлением обнаруживает за боковым стеклом голову лошади — настоящей живой лошади, которая смотрит на него. Теперь видно, что «ДС» стоит на краю большого луга, на пригорке, довольно далеко от проселка, по которому они сюда приехали, и что их окружает с полдюжины великолепных лошадей.
Внутри «ДС» Изабелла тоже только что проснулась. Ночью она накинула на себя армейскую гимнастерку Баррана.
Прижавшись друг к другу, любовники какое-то время созерцают лошадь за стеклом. Потом они обнимаются и смотрят один на другого.
Улыбка медленно сползает с лица Изабеллы — похоже, ее одолевают старые заботы.
— Сколько платят врачу за медосмотр? — деловито спрашивает Барран.
— Точно не знаю. Тысяч триста, а может, четыреста.
Барран покачивает головой, понуждая ее лечь.
— Ладно, спи. Я заменю тебе Моцарта.
Поначалу Изабелле кажется, что она ослышалась, но потом улыбка вновь расцветает у нее на губах, и она, поспешно притянув к себе руку Баррана, целует ее. Из них двоих она куда искренней в проявлении чувств. Изабелла доверчиво закрывает глаза.
Барран открывает дверцу, выходит из машины и потягивается в утренней свежести. Лошади при его появлении отошли в сторону. Тогда он с волнением обнаруживает, что за полого спускающимся лугом, за ближней деревушкой, перед ним раскинулся весь Париж, еще далекий, но уже хорошо видимый.
Выхваченный из этой панорамы, более крупным планом виден квартал Пор-Руаяль и купол больницы Валь-де-Грас.
Еще ближе: окна одного из этажей больницы.
Наконец, одно из этих окон, широко распахнутое. Изнутри доносится женский голос:
— Но скажи, зачем тебе врач?
Внутри — раздевалка для медсестер с выбеленными стенами. Рядом с металлическим шкафом, где висят белые халаты, стоит молодая женщина: белокурая, милостивая, с серьезным лицом. Она в чересчур просторной для нее армейской гимнастерке и с голыми ногами — точь-в-точь как Изабелла в «ДС» с откинутыми сиденьями.
В комнате, кроме нее, есть кто-то еще: сначала видны лишь ноги в мокасинах на спинке стула. Мужчина отвечает с легко узнаваемым американским акцентом:
— Чтобы оплатить ему роскошное путешествие, моя куколка.
Женщина, явно огорченная, оборачивается к легионеру. Пропп сидит — или, вернее, полулежит — на стуле, закинув ноги на спинку другого. На нем костюм, белая рубашка, галстук. Он подбрасывает на ладони свой столбик пятифранковых монет и, как всегда, улыбается.
— Так ты снова уедешь? — расстроено спрашивает молодая женщина.
— Ты задаешь слишком много вопросов... Все, что мне нужно, — это док, который их не задает.
Молодая женщина решительно снимает с себя гимнастерку, оставшись в трусиках и лифчике, и бросает ее на стол, где уже лежит груда военного обмундирования.

— На форму я тебе найду покупателя, — говорит она, вздыхая с затаенной грустью. — Знаешь, ты не изменился...
Широкая улыбка Проппа как бы говорит: «Да, не особенно». Женщина отворачивается к открытому шкафу, достает оттуда белый халат и одевается.
Пока она стоит к нему спиной, Пропп небрежно откидывается на стуле и протягивает руку к сумочке, которую женщина оставила на столе. Открывает ее, не глядя вынимает оттуда несколько сложенных купюр и сует их в нагрудный карман пиджака. Потом с медлительной грацией животного встает. Все его движения — движения животного, ловкие и бесшумные. По пути к двери он на миг сжимает плечо молодой женщины, которая застегивает последние пуговицы на халате.
— Я скоро тебя увижу? — робко спрашивает та.
— Когда найдешь мне врача.
Поцелуй в губы смягчает сухость ответа, и легионер выходит. Он идет по коридору, оборачивается вслед попавшейся навстречу другой медсестре и, подбрасывая на ладони столбик монет, спускается по лестнице, ведущей на первый этаж. На середине лестничного пролета он вдруг останавливается.
Внизу, у административного окошка, стоит Барран. Насколько видно легионеру с лестницы, тот отдает на регистрацию свои бумаги. На Барране отлично скроенный костюм, и вообще выглядит он прекрасно.
Пропп, понаблюдав за ним несколько секунд, поворачивается и поднимается по лестнице. У двери раздевалки он сталкивается со своей подругой — та повязывает на ходу белую маску. На ее лице видны только недоумевающие глаза. Пропп легонько поворачивает ее и, заканчивая завязывать на ней маску, тихо произносит:
— Там, внизу, торчит один тип... Медик-лейтенант Барран. Мне нужен его адрес.
Медсестра вновь поворачивается к нему, и ее большие глаза пристально смотрят в глаза легионера.
— Я хочу знать, зачем он пришел сюда и что делал в армии, — втолковывает ей Пропп.
Не сказав ни слова, даже не кивнув в знак согласия, молодая женщина огибает Проппа и удаляется по коридору. Пропп глядит ей вслед, потом входит в раздевалку, дверь в которую осталась открытой.
Сумочка медсестры по-прежнему на столе. Пропп достает из кармана вынутые из нее недавно купюры, кладет их на место и закрывает сумочку.
Барран — он в рубашке — открывает дверь: к нему гость. И тотчас получает сокрушительный удар в лицо, от которого обрушивается навзничь.
Входит ухмыляющийся Пропп и затворяет за собой дверь. На правой ладони он подбрасывает свой столбик монет, который сжимал в кулаке, нанося удар.
Оба держатся так, словно произошло нечто само собой разумеющееся: просто один из них задолжал и пришел отдать долг, и теперь они квиты. Пока Барран поднимается, легионер осматривает квартиру, в которой очутился, и восхищенно присвистывает: ковер на полу, светлые стены, стильная мебель. Необычное окно выходит на квартал Министерства обороны. В центре, посреди других современных сооружений, сверкает в лучах зимнего солнца тридцатизэтажное здание, сплошь из стекла.
— Ну ты даешь, док!.. — замечает Пропп. — Далеко ушел после Марселя!
— Недостаточно далеко, раз ты здесь, — отзывается Барран.
Потирая лицо в том месте, куда пришелся удар, он смотрит на Проппа, который ходит взад и вперед по комнате.
— А вот я, знаешь, еще не нашел своей дороги, — с печалью в голосе заявляет Пропп.
— Не хочу навязывать тебе свое мнение, но Конго в противоположной стороне.
— Я не могу ехать один, док... — еще печальнее говорит Пропп. — А народ сейчас сам знаешь какой пошел: хотят быть как все... Чиновниками!.. В клетках!..
Говоря это, он подходит к окну. Не отрывая глаз от тридцатизэтажного здания, что висит прямо перед ним на том берегу Сены, он с тяжелым вздохом продолжает:
— ...Или обделывают свои делишки втихую, ни слова не говоря друзьям... (С отвращением.) Темнили! Безо всякого перехода он указывает Баррану пальцем на тридцатизэтажное здание, которое так пристально разглядывал, и резко меняет тон.
— Так это там ты собираешься проводить медосмотр?
Молчание. Барран переваривает услышанное. Каким образом этот проницатель сумел не только узнать его адрес, но и разнюхать его планы?
— Что тебе здесь нужно? — наконец спрашивает Барран.
Не отвечая, Пропп вытаскивает из внутреннего кармана пиджака «Смит-и-Вессон», который он выиграл в лагере св. Марты. Он держит его перед собой в полотняной кобуре цвета хаки.

— Сколько? — отрывисто бросает Барран.
— Тебе виднее, — ухмыляясь, отвечает Пропп.
Барран открывает ящик комода и, стоя к Проппу спиной, достает оттуда деньги.
— Ты так и не сказал мне, док, почему в нем не хватает одной пули... — говорит Пропп.
Барран подходит к нему, отсчитывая несколько купюр.
— ...Но это я тоже раскопаю, — с недоброй усмешкой заканчивает Пропп.
— В таком случае в нем будет не хватать двух, — заявляет Барран спокойно.
Массивная дверь лифта отползает в сторону перед Барраном — на нем белая рубашка, темный галстук, пальто — и мужчиной лет пятидесяти, вида строгого и значительного, одетого в серый костюм.
Мужчина пропускает Баррана в кабину, не прерывая начатый разговор — голос его сух и бесстрастен, как и подобает чиновнику:
— ...Я тут администратором четырнадцать лет. За это время мне довелось принимать здесь уже шестерых ваших коллег, доктор Барран. Вы самый молодой, чему я весьма рад...
Войдя за Барраном в лифт, он нажимает кнопку. Дверь закрывается, и cabina приходит в движение. По табло, указывающему этажи, вниз прыгает круглое пятно света. Не переводя дыхания, администратор продолжает:
— ...У мужчины самый продуктивный возраст — между тридцатью и сорока годами. Все ваши коллеги были чересчур медлительны, доктор Барран. В нашей компании около трехсот служащих. Осмотр каждого должен занимать пять минут, значит, шесть человек за полчаса, двенадцать — за час, девяносто шесть — за день, так что всего вам потребуется три дня... Мы и отвели три дня.
Барран слушает эту густо пересыпанную цифрами тираду с вежливым равнодушием. На лацкане пиджака у администратора — фирменный красный значок с надписью «СИНТЕКО».
Кабина лифта тем временем быстро скользит на тридцать этажей вниз и останавливается на уровне подземелья. Отодвигаясь в сторону, дверь на сей раз открывает взору девушку не старше двадцати лет, свежую, белокурую, в строгом белом халате со стоячим воротничком на пуговицах. Выходя из лифта, администратор представляет ее Баррану:
— Ваша ассистентка, доктор... Мадемуазель Аустерлиц, дочь нашего директора. Мадемуазель Аустерлиц — студентка медицины.
Они стоят в одном из длинных коридоров — этот выкрашен очень светлой, почти белой краской — обширного, роскошно отделанного подземелья, отведенного рекламной службе СИНТЕКО.
Девушка пожимает Баррану руку. В глаза ему она смотрит лишь краткое мгновение и тут же отводит взгляд. Трудно понять, что это: антипатия или робость.
На экране рентгеновского аппарата — грудная клетка со слегка размытыми очертаниями.
— Поближе, — командует Барран.
— Бр-р, холодно.
Изображение становится четче. Аппарат выключается, и в комнате зажигается свет. За экраном стоит служащая СИНТЕКО лет двадцати пяти, проходящая осмотр у Баррана, облаченного в белый халат. У нее подходящий для данной ситуации безразличный вид. Поднимаясь со стула, Барран говорит:
— Можете одеваться. Давно вам делали эту пробу на туберкулез?
— В прошлом году, — отвечает служащая.
Входя из аппарата, она застегивает на груди верхнюю часть платья, которую перед тем опустила, — платье из оранжево-розового джерси. Это нечто вроде униформы. В рабочее время все служащие компании одеты одинаково: мужчины — в серое, женщины — в оранжево-розовое. И у всех на груди красная табличка с надписью «СИНТЕКО».
Осмотр проводится в конференц-зале, освещаемом сверху большим плоским подвесным плафоном. Вся ненужная сейчас мебель — стол и кресла — сдвинута к одной из стен, чтобы освободить место для необходимого Баррану медицинского оборудования.
Пока служащая заканчивает одеваться, Барран проходит в соседнюю комнату, поменьше. Его ассистентка, мадемуазель Аустерлиц, сидит там за металлическим столом и отбирает карточки проходящих обследование. Не глядя на Баррана, она протягивает ему одну из карточек. Тот наклоняется над столом — черкнуть несколько слов и расписаться.
— Пригласить следующего, доктор? — спрашивает мадемуазель Аустерлиц.
— Пока не надо. Я вам скажу.
Девушка встает. Она проходит мимо него, направляясь к ящику с карточками. Внезапно выпрямляясь, Барран хватая ее за предплечье и, испуганную, поворачивает к себе.
— Вы вообще-то умеете смотреть людям в глаза? — сухо спрашивает Барран.
Даже сейчас мадемуазель Аустерлиц отводит

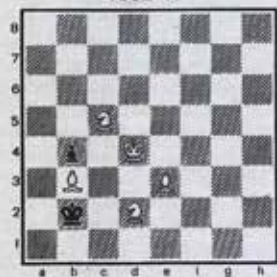

31-я шахматная олимпиада

Под редакцией гроссмейстера Виктора ЧЕПИЖНОГО

ПАРАД МИНИАТЮР
С. СТАМБУК
1952 г.

Мат в 2 хода

Чтобы подготовить мат на 1... Кра1, нужно освободить для слона занимаемое королем поле d4. Естественные отходы короля на поля c4 и d3 приводят к так называемым белым комбинациям. После 1... Крс4? черные спасаются путем 1... Кра3!, и нет 2. Кс4, так как собственный король заблокировал поле c4. Аналогично: 1. Крд3? Крс1, и нет 2. Кд3. К цели ведет только 1. Кра4! Теперь у черного короля свободны все четыре диагональных поля (совокупность вариантов, объединенных игрой короля на эти поля, называется королевской звездочкой). 1... Кра1 2. Сd4x, 1... Кра3 2. Кс4x, 1... Крс3 2. Ка4x; 1... Крс1 2. Кд3x. Содержательная задача!

Пятый тур

Белые: Крf5, Лb4, Сf8, Ка7, Кf7 (5)
Черные: Крд5, п. с7 (2)

Мат в 3 хода (3 балла)

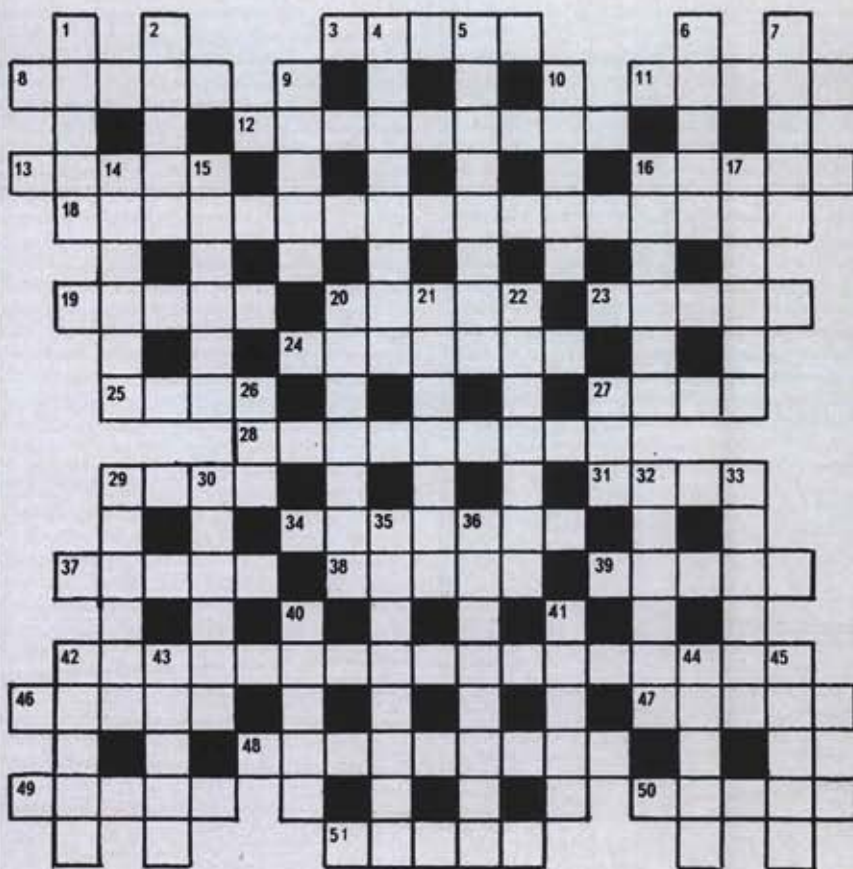
Белые: Крh8, Се3, Кf4, п. h6 (4)
Черные: Крh1, пп. d7, h2 (3)

Мат в 4 хода (3 балла)

Ответы на задания присылайте только на открытках (без конвертов!) с пометкой «31-я шахматная олимпиада. V тур». Последний срок отправки писем (по почтовому штемпелю) — 1 июля.

КРОССВОРД

Составил С. Уралов, Москва

ПО ГОРИЗОНТАЛИ:

3. Отдельное животное или растение. 8. Самый крупный, по мнению Томмазо Кампанеллы, итальянский писатель, в сравнении с которым все остальные не более «чем гондолы в сравнении с боевым кораблем». 11. Продукция для продажи. 12. Человек, парящий в воздухе, как птица. 13. Украинский актер, снимавшийся в фильме «Ночной извозчик». 16. В Англии XII века эпическая ... — для мужчин, роман — для женщин. 18. Не поддающееся пророчеству. 19. Часть бамбука, из которой бананы на юге Вьетнама добывают питьевую воду. 20. Африканский зверь, кричащий (каркающий) только на деревьях. 23. Английский ученый, получивший в 1898 году жидкий, а в следующем — твердый водород. 24. Государство с самым большим числом выдающихся произведений искусства на душу населения. 25. Птица, во время пахоты уничтожающая массу полезных

дождевых червей. 27. Обычный элемент одежды Лидии Руспановой на концертах. 28. Порт на острове Хонсю в Японии. 29. «Что нам в бледном утреннем обмане? И Павлин, и ... — чужие людям. Вот они растаяли в тумане, и мы больше видеть их не будем» (Н. Гумилев. «Рассвет»). 31. Впился, как ... (о настырном человеке). 34. Дух в народных поверьях, который к добру гладит сонною мохнатой рукой. 37. «Геракл и ...» — скульптурная группа А. Поллайоло. 38. Представитель племени, покоренного Цезарем во время галльских походов. 39. Горная цепь. 42. Свечение живых организмов. 46. Недостаток. 47. Столица (суть). 48. Писатель, создавший первую трагедию на итальянском языке, герой которой — Орфей. 49. «... убившая Олоферна» — жутковатая картина Караваджо. 50. Наука, грозящая оружием не менее страшным, чем ядерное. 51. Птица, означающая в китайской живописи «гун би» («цветы и птицы») — пожелание удачной карьеры.

ПО ВЕРТИКАЛИ:

1. Отравляющее вещество. 2. Затертая мысль. 4. Древний азиатский язык, к которому, как в середине XIX века установил немецкий ученый А. Потт, близок цыганский. 5. Лес, от которого в русской душе становится светлее. 6. Цветок, символ лета в Китае. 7. Язык, придуманный футуристами. 9. Багаж. 10. Удача. 14. Палата во дворце, замке. 15. Мера веса в странах Латинской Америки. 16. Танец, вопреки названию, родом из Чехии. 17. Звезда кино, театра, эстрады на Западе. 20. Артист, сыгравший Кондратьева в фильме «Рожденная революцией». 21. Южнофранцузский хоревод. 22. Кит, зуб у которого весит до 1,6 килограмма. 26. Тростниковое растение, из которого в Казахстане и Киргизии делали циновки для убранства юрт, причем каждый стебель мастерица оплетала цветной

шерстяной нитью. 27. Щегольство. 29. Советский хоккеист, чемпион Олимпиады 1968 года. 30. Произведение Т. Шевченко со вторым названием «Иван Гус». 32. Австрийский зоолог, один из создателей этологии. 33. Русский пейзажист, который начал развиваться поздно, но быстро. «Он шел на тройной упряжке: дарования, трудолюбия и корысти» (А. Эфрос). 35. Одна из наук, которые преподавал в Павии, Турине, Ферраре и других городах знаменитый итальянский новеллист Джамбаттиста Чинтия. 36. Первый этап цыганской свадьбы. 40. Французский ткач, ставший известным всему миру песенником. 41. Поприще актера. 42. Спинальная струна у хрящевых рыб. 43. Американский шахматист, на чьих партиях, по мнению Р. Рети, шахматный мир научился современному пониманию открытой игры. 44. Металл, чье «свидание» с водой кончается взрывом и пожаром. 45. Невольник, пленник, узник в старину.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ОПУБЛИКОВАННЫЙ В № 6

По горизонтали:

1. Гладиятор. 8. Космодемьянская. 11. Задор. 12. Рангоут. 13. Шенок. 16. Фата. 17. Цукат. 18. Якорь. 19. Шлюп. 24. Константинов. 25. Лавочкин. 27. Ацетат. 28. Уздечка. 29. Шалито. 32. Увология. 33. Амيرانавили. 35. Роса. 36. Лазер. 37. Егерь. 38. Чаща. 42. Дверь. 43. Чискова. 44. Штрих. 47. Металлокерамика. 48. «Гайдамаки».

По вертикали:

1. Гимн. 2. Анджапаридзе. 3. Измога. 4. Трясунка. 5. Рысь. 6. Ворот. 7. Налев. 9. Растениеводство. 10. Коллективизация. 14. Турне. 15. Орган. 16. Фиксатуар. 20. Пантомима. 21. Страбон. 22. Хорезми. 23. Бомарше. 26. Скороговорка. 30. Жираф. 31. Индра. 34. Бериллий. 39. Орфей. 40. Скинда. 41. Этика. 45. Чанг. 46. Ямки.

Пролетарии всех стран соединяйтесь!

СМЕНА '89

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года. Выходит два раза в месяц.

№ 7 (1485) АПРЕЛЬ

Главный редактор Михаил КИЗИЛОВ

Редколлегия:

- Сергей БАБКИН (заместитель главного редактора)
Борис ДАНЮШЕВСКИЙ (заместитель главного редактора)
Александр КУЛЕШОВ
Андрей КУЧЕРОВ
Альберт ЛИХАНОВ
Иосиф ОРДЖОНИКИДЗЕ
Сергей ПОПОВ (ответственный секретарь)
Юрий РАГОЗИН
Роберт РОЖДЕСТВЕНСКИЙ
Евгений РЯБЧИКОВ
Вадим САЮШЕВ
Виталий СЕВАСТЬЯНОВ
Владислав СЕРИКОВ
Виталий ФЕДОРОВ (главный художник)

Художник Александр КЛИЩЕНКО
Технический редактор Елена НАЗАРОВА

Сдано в набор 20.02.89.
Подписано к печати 02.03.89.
А 00243. Формат 70 × 108^{1/2}.
Бумага для глубокой печати.
Глубокая печать. Усл. печ. л. 5,60.
Усл. кр.-отт. 19,60. Уч.-изд. л. 10,26.
Тираж 2 500 000 экз.
Заказ № 259.
Цена 35 коп.

101457, ГСП, Москва.
Бумажный проезд, 14

212-15-07 — для справок. Отделы:
212-21-59 — рабочей молодежи и науки.
212-21-36 — коммунистического воспитания.
212-23-79 — фотоочерка.
251-32-84 — военно-спортивный.
251-32-84 — международной жизни.
251-04-10 — литературы и искусства.
212-11-27 — писем и массовой работы.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда», 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Рукописи, фото и рисунки не возвращаются. Рукописи объемом более одного авторского листа (24 машинописные страницы) редакцией не рассматриваются.

Своей игрой
я хочу доказать,
что и один
в поле воин.

А. Ирбе.

Год назад хоккейный мир несказанно удивился — в команде рижского «Динамо» был посажен на скамейку запасных в кои-то веки воспитанный там олимпийский чемпион — вратарь Виталий Самоилов. Причем травмирован он не был и формы своей отнюдь не растерял. Просто его место в воротах занял невысокий, плотно сбитый 20-летний паренек, с первой игры в высшей лиге принявшийся вдруг «все ловить».

С поистине прибалтийским хладнокровием гасил он валы атак форвардов, не раз заставлявших капитулировать лучших голкиперов по обе стороны океана. Этакий невозмутимый волнорез, который, словно сдавая каждый раз тест на безошибочность, все делал вовремя, не поддаваясь на уловки нападавших, следуя какой-то своей программе — выбрасывал ловушку, вытягивал щиток, фехтовал клюшкой. И рижане, ни разу за полтора десятка лет игры в высшей лиге не дотягивавшиеся до медалей, резко пошли в гору. При измененной формуле чемпионата они сначала вошли в четверку команд, оспаривавших медали,

а затем вышли и в финал; пытавшиеся противостоять им московские динамовцы лишь стучали с досады клюшками о лед, проигрывая дуэль за дуэлью Ирбе. В борьбе с ЦСКА за «золото» рижанам одного Артура, правда, не хватило, но и уступили они весьма достойно, опять же во многом благодаря своему вратарю.

А еще через полгода у его ворот коршуном будет кружить сам Гретцки, долго и безуспешно пытающийся отличиться. Выйти против него на лед и не дать Гретцки, практически не уходящему с поля без гола, забить, было давней мечтой Артура. Мечтать, впрочем, можно о чем угодно, но в том, что «Лос-Анджелес Кингз» («Короли из Лос-Анджелеса») во главе с королем хоккея разгромят не имеющих опыта встреч с профессионалами динамовцев, мало кто сомневался. Да и европейские вратари всегда неуютно чувствовали себя за океаном на узких площадках «профи», где шайба так и норовит отскочить от борта на самый «пятячок» перед воротами.

Они разошлись, так сказать, миром — Уэйн Гретцки и Артур Ирбе. Суперзвезда профессионального хоккея и никому доселе не известный на американском континенте юный вратарь. Гретцки «слою» шайбу-таки забил. За две минуты до конца, когда она уже ничего не решала, — рижане при бесподобной игре Ирбе не оставили надежд «королям».

— Я краем уха слышал, что у наших соперников неплохой вратарь, — скажет после игры Гретцки. — Но,

признаюсь, не придавал этому особого значения. Когда на чужого, тем более европейского голкипера, беспрепятственно и целенаправленно давят 20 тысяч наших неистовых болельщиков, тут не нервы — канаты надо иметь. Плюс наша тактика постоянного силового давления. Любая оборона рухнет, в том числе и ее последний рубеж. Но рижанин продемонстрировал такое хладнокровие, какое я последний раз встречал, пожалуй, разве что у Третьяка. Но тот был для меня легендой, а Ирбе — вратарем, которому я обязан забивать. А вместо этого мы всю игру утыкались словно в стену, почувствовав к концу чуть ли не полное свое бессилие. Думаю, ни одна из команд национальной хоккейной лиги не отказалась бы видеть в своих воротах вашего Артура.

Хоккейная интуиция Гретцки не раз приводила в восторг болельщиков всего мира. Не ошибся он и на сей раз. Именно Владислав Третьяк был кумиром Ирбе с тех самых пор, как маленький Арчи встал в Риге на свои первые коньки. Впрочем, кумир — это, наверное, нечто недостижимое, тогда как Ирбе, похоже, точно знал, чего он хочет добиться. И хладнокровием, и умением выбирать позицию, и даже быстротой реакции он действительно напоминает своего знаменитого предшественника. Единственное, что слегка огорчает Артура — Третьяк в его годы был уже основным вратарем сборной, к Ирбе же ее тренеры только присматриваются, отдавая пока предпочтение более опытному. Хотя двадцать один — самый возраст для вратаря.

Дмитрий ШЕЛУДЬКО

Фото Юрия СОКОЛОВА

